

Элизабет Вернер

Своей дорогой

Элизабет Вернер
Своей дорогой

«Public Domain»

1893

Вернер Э.

Своей дорогой / Э. Вернер — «Public Domain», 1893

«Была весна. Небо и море, залитые солнечным светом, блистали яркой синевой; с тихим плеском к берегам Ривьеры подкатывались волны. Здесь весна уже наступила во всем своем великолепии, тогда как на севере еще бушевали снежные метели...»

Содержание

1	5
2	9
3	14
4	23
5	29
6	32
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Эльза Вернер

Своей дорогой

1

Была весна. Небо и море, залитые солнечным светом, блистали яркой синевой; с тихим плеском к берегам Ривьеры подкатывались волны. Здесь весна уже наступила во всем своем великолепии, тогда как на севере еще бушевали снежные метели.

Золотые лучи солнца играли на белых стенах домов и вилл города, расположенного на морском берегу широким полукругом; всюду высились стройные пальмы, зеленели лавры и мирты, на темной зелени пестрели тысячи камелий, все роскошно цвело и благоухало. С окрестных гор смотрели вниз древние, сверкающие белизной церкви; из-за пиний и оливковых деревьев выглядывали небольшие поселения, а вдали, словно плавая в прозрачном, пронизанном солнечным сиянием воздухе, голубели увенчанные снегом вершины Альп.

Сегодня Ницца отмечала один из своих весенних праздников, и все население города и его окрестностей стремилось в одно место; по улицам двигалась бесконечная вереница роскошных экипажей, все окна и балконы пестрели зрителями, а на тротуарах теснилась веселая толпа.

На корсо¹ перестрелка цветами была в полном разгаре. В воздухе беспрестанно мелькали душистые букеты; цветы, которые на севере являются большой редкостью и стоят немалых денег, здесь разбрасывались без всякого сожаления. Всюду развевались флаги, в воздухе стоял гул от веселых восклицаний, смеха и музыки, и разливался одуряющий аромат фиалок.

На террасе одной из гостиниц стояла небольшая группа мужчин, очевидно, соотечественников, случайно встретившихся здесь, за границей; они говорили по-немецки. Живой интерес, с которым двое младших следили за необычным зрелищем, показывал, что оно было для них ново; что касается третьего, довольно пожилого человека, то он оставался равнодушен к тому, что происходило перед его глазами.

– Я ухожу, – сказал он, взглянув на часы. – Это волнение и суета способны оглушить хоть кого; невольно захочется тишины и покоя. А вы, господа, верно, еще останетесь?

По-видимому, молодые люди действительно намеревались остаться; один из них – красивый, стройный человек, очевидно, военный в штатском костюме – со смехом ответил:

– Разумеется, господин фон Штеттен! Мы еще совершенно не Устали и не нуждаемся в отдыхе, и это зрелище нам, северянам, кажется чем-то волшебным. Не правда ли, Витенау? Ах, вот и Вильденроде! Вот это красота! Экипажа почти не видно из-под цветов, а прекрасная Цецилия похожа на настоящую фею весны!

Проезжавший мимо экипаж в самом деле выделялся роскошным убранством; он был весь украшен камелиями, ими же были убраны шляпы кучера и лакея, даже лошади.

Впереди сидели господин с гордой, аристократической внешностью и девушка в шелковом платье и воздушной белой шляпке. Молодой человек, расположившийся на заднем сидении, прилагал все усилия, чтобы уложить массу цветов, которые сыпались со всех сторон именно в этот экипаж; часто летели и большие, дорогие букеты, брошенные, очевидно, в знак поклонения красоте девушки, а она, улыбаясь, сидела посреди цветов и блестящими глазами смотрела вокруг на возбужденную толпу.

¹ Корсо – главная улица, предназначенная для карнавальных гуляний Некоторых городах Италии, Франции.

Офицер схватил букет фиалок и ловким движением кинул его в экипаж; однако вместо девушки букет попал в руки ее спутника, и тот небрежно бросил его вместе с другими цветами в кучу, высившуюся рядом с ним на заднем сидении.

– Ну, я посылая букет, конечно, не Дернбургу, – с некоторой досадой произнес офицер. – Само собой разумеется, он опять в экипаже Вильденроде; теперь их можно встретить только в его обществе.

– Да, с тех пор, как появился этот Дернбург, они, кажется, считают излишним поддерживать прежние знакомства, – заметил Витенау, мрачно следя за экипажем.

– Так и вы уже успели это заметить? Да, к сожалению, миллионеры всегда оказываются на первом плане, и, полагаю, барон Вильденроде особенно способен оценить это качество в своем друге, ведь не секрет, что в Монако² удача подчас отворачивается от него.

– Ну, об этом и речи быть не может, – возразил Витенау почти с недовольством. – Барон по виду очень приличный человек и вращается здесь в высшем обществе.

– Это еще ничего не значит. Именно здесь, в Ницце, границы между миром людей так называемого высшего общества и миром авантюристов почти совершенно исчезают; никогда не знаешь точно, где кончается один и начинается другой. А этот Вильденроде – Бог его знает, что он из себя представляет! В самом ли деле он дворянин?

– Несомненно, дворянин, это я могу засвидетельствовать, – вмешался Штетен, до сих пор слушавший молча.

– А, так вы знаете его?

– Много лет тому назад я бывал в доме старого барона, теперь уже умершего, и знаком с его сыном. Правда, я мало знаю его, но на свое имя и титул он имеет полное право.

– Тем лучше, – небрежно ответил офицер. – Впрочем, у меня с ним не более как шапочное знакомство, завязавшееся во время путешествия; оно ни к чему нас не обязывает.

– Разумеется, ни к чему; эти отношения так же легко порвать, как и завязать, – заметил Штетен с некоторым ударением. – Однако, мне пора! До свидания, господа!

– Я пойду с вами, – сказал Витенау, у которого вдруг как будто пропала охота смотреть на праздник. – Ряды экипажей уже начинают редеть. Только нам тяжеловато будет идти по улицам.

Они простились со своим товарищем и ушли с террасы. Действительно, нелегко было продвигаться в густой толпе, и прошло довольно много времени, прежде чем вся суэта и толкотня остались позади них.

Разговор не вязался; Витенау был рассеян или не в духе. Вдруг он произнес без всякого предисловия:

– Значит, вы довольно близко знакомы с Вильденроде, а между тем я узнаю об этом только сегодня! И вы никогда не бываете у них!

– Нет, не бываю, – холодно ответил Штетен, – и для вас я желал бы другого общества. Я уже не раз делал вам намеки, но вы не хотели понимать их.

– Меня ввел в их дом один соотечественник, а вы выражались так неопределенно...

– Потому что сам не знаю ничего определенного. Знакомство, о котором я недавно говорил, существовало двенадцать лет тому назад, а с тех пор многое переменялось. Ваш друг прав: в Ницце граница между честным обществом и авантюристами нередко совсем пропадает, и, мне кажется, в настоящее время Вильденроде находится уже по ту сторону этой границы.

– Вы не верите, что он богат? – спросил пораженный Витенау. – Он живет с сестрой на широкую ногу, его дела, по-видимому, в блестящем состоянии, и, во всяком случае, в настоящее время в его распоряжении, наверно, значительные средства.

² Крохотное княжество в Ривьере вблизи Ниццы с игорным домом, на средства которого оно существует.

– Об этом надо спросить в Монако, ведь Вильденроде там – постоянный гость и, говорят, играет почти всегда удачно; но сколько времени ему будет везти – другой вопрос. Ходят слухи и кое о чем другом, посерьезнее. У меня нет желания возобновлять старое знакомство, хотя прежде мы были в довольно близких отношениях, так как наше родовое имение граничит с бывшими владениями Вильденроде.

– Бывшими? – переспросил молодой человек. – Так их имения проданы? Впрочем, я вижу, вам не хочется говорить об этом.

– С посторонними – конечно, но вам я готов, рассказать все, зная, что у вас есть причины интересоваться ими. Надеюсь, этот разговор останется между нами?

– Даю вам слово!

– Ну-с, это короткая и, к сожалению, обыкновеннейшая история. Имения Вильденроде давно уже были в долгах, тем не менее владельцы продолжали жить на широкую ногу. Барон женился вторично в преклонном возрасте, когда его сын уже был совершенно взрослым человеком; он ни в чем не мог отказать своей молодой жене, а у нее было много, даже очень много желаний; сын, атташе посольства, тоже привык к роскоши; к этому прибавились неожиданные денежные расходы, и наконец разразилась катастрофа. Барон внезапно умер от удара – по крайней мере, так говорили...

– Он наложил на себя руки?

– Весьма вероятно. Надо полагать, он не смог пережить разорение и позор. Впрочем, семья избежала позора, ей помогло правительство, ведь бароны Вильденроде принадлежали к числу самых старинных дворянских родов в стране, и их имя надо было спасти во что бы то ни стало; замок и имения перешли во владение короля, кредиторы были удовлетворены, и продажа имений была воспринята всеми как добровольная. Семье, разумеется, не осталось ничего; вдове с маленькой дочерью пришлось бы терпеть нищету, если бы король не утвердил за ней ежегодной ренты и не дал помещения в одном из замков. А вскорости она умерла.

– А сын? Молодой барон?

– Он, конечно, вышел в отставку, да и должен был выйти при таких обстоятельствах; лишившись всяких средств, он не мог уже оставаться атташе посольства. Без сомнения, это был жестокий удар для честолюбивого человека, который так неожиданно оказался у разбитого корыта. Конечно, он мог избрать другой, вполне достойный и почетный путь; ему наверняка дали бы какое-нибудь место; но принять его значило бы, во-первых, унизиться, выйти из того общества, в котором он играл до сих пор первую роль, а во-вторых, надо было упорно трудиться и довольствоваться сравнительно скудными средствами, а для Оскара фон Вильденроде это было невозможно. Он отказался от всех предложений, уехал за границу и пропал. Теперь, через двенадцать лет, я снова встретил его здесь, в Ницце, вместе с сестрой, которая тем временем выросла, но мы оба предпочли считать друг друга незнакомыми.

Витенау задумчиво выслушал этот рассказ и ничего не ответил. Штетен взял его под руку и произнес вполголоса:

– Вам не следует так враждебно смотреть на молодого Дербурга, потому что его появление, по всей вероятности, спасло вас, помешав сделать большую глупость!

Молодой человек сильно покраснел; он явно смутился.

– Господин фон Штетен, я...

– Я ведь не упрекаю вас в том, что вы слишком глубоко заглянули в некие красивые глаза, – перебил его Штетен, – это так естественно в ваши годы, но в данном случае вы могли бы слишком дорого заплатить за свою смелость. Подумайте сами, годится ли в жены скромному помещику девушка, выросшая в такой обстановке и под таким влиянием? Хотя вы едва ли получили бы согласие Цецилии Вильденроде, потому что окончательное решение зависит от брата, а тому нужен зять-миллионер.

– А Дернбург, говорят, – наследник нескольких миллионов, – прибавил Витенау с Нескрываемой горечью, – следовательно, он удостоится чести стать зятем барона Вильденроде.

– Что он наследник миллионов, это факт. Metallургические заводы Дернбурга, несомненно, самые значительные во всей Германии и прекрасно работают, их теперешний владелец – человек, каких немного; я случайно познакомился с ним несколько лет тому назад. Однако вот и Вильденроде возвращаются!

В самом деле, к ним приближался экипаж барона. Разгоряченные лошади мчались во весь опор, и экипаж, поднимая столбы пыли, пролетел мимо отошедших в сторону Штетена и Витенау.

– Жаль Оскара Вильденроде! – серьезно сказал Штетен. – Он очень незаурядный человек, и, может быть, из него вышло бы что-нибудь замечательное, если бы судьба так внезапно и безжалостно не вырвала его из круга, в котором он родился и вырос. Не смотрите так мрачно, Витенау! Вы немного погорюете о несбывшейся мечте юности, а вернувшись домой, к своим полям и лугам, поблагодарите судьбу за то, что эта мечта так и осталась мечтой.

2

Тем временем экипаж мчался дальше и остановился у подъезда одной из больших гостиниц, по виду которой можно было понять, что здесь останавливались лишь богатые иностранцы. Комнаты барона Вильденроде и его сестры были самыми лучшими и очень дорогими и отличались удобствами, к которым привыкли избалованные гости; в глаза бросалась чрезвычайно дорогая обстановка, но, как это всегда бывает в гостиницах, она была лишена малейшего изящества.

Приехавшие вошли в салон. Цецилия ушла в свою комнату, чтобы снять шляпу и перчатки, а ее брат и гость, разговаривая, вышли на веранду.

Дернбургу можно было дать лет двадцать пять. Его внешность была приятной, но не производила особенного впечатления. Тщедушная, несколько сторбленная фигура, бледный цвет лица и своеобразный румянец на щеках ясно говорили, что он приехал на солнечные берега Ривьеры для восстановления здоровья. Черты его лица были слишком мягки и нежны для мужчины; та же мягкость выражалась и в мечтательном взгляде темных глаз. Самоуверенности, свойственной богатому наследнику, не было и следа; его манеры были крайне неприятельны, почти робки, и, если бы не его имя, благодаря которому его всюду принимали как почетного гостя, ему грозила бы опасность остаться совершенно незамеченным в обществе.

Внешность барона была полнейшей противоположностью. Оскар фон Вильденроде уже не мог похвалиться молодостью – ему было под сорок. В его высокой фигуре было что-то повелительное, а гордые, правильные черты лица можно было назвать красивыми, несмотря на резкость линий и глубокую складку между бровями, которая придавала ему мрачный оттенок; в темных глазах можно было прочесть лишь холодное спокойствие и наблюдательность, но иногда в них загоралась искорка, указывавшая на страстную, необузданную натуру.

– Надеюсь, вы не серьезно говорите об отъезде? – спросил барон. – По-моему, вам рано уезжать, вы попадете в самый разгар бурь и дождей, которые в нашей Германии удостаиваются названия весны. Всю зиму вы провели в Каире, всего шесть недель живете в Ницце, и вам еще не следует испытывать влияние сурового северного климата, если, конечно, не хотите подвергать опасности только что укрепившееся здоровье.

– Да я и не собираюсь ехать в ближайшие дни, – ответил Дернбург, – но и не могу откладывать возвращения домой на слишком долгое время; я провел на юге больше года, опять чувствую себя совершенно здоровым, и отец настаивает, чтобы я поскорее вернулся в Оденсберг.

– Ваш Оденсберг представляется мне чем-то величественным, – заметил барон. – По властолюбию вашего отца, по-видимому, можно сравнивать с правителем небольшого государства; он ведет себя как неограниченный повелитель.

– Да, но зато на нем лежит много забот и большая ответственность. Вероятно, вы и не подозреваете, что значит руководить такими предприятиями. Нужно обладать железной волей моего отца, чтобы вести такие дела; это исполинская задача.

– Как бы то ни было, это могущество, а могущество это – счастье, – возразил Вильденроде, и глаза его блеснули.

– Может быть, для вас и для моего отца, а я устроен иначе. Я предпочел бы тихую жизнь при самых скромных условиях в одном из райских мест южной Европы, примерно как здесь; но я единственный сын, и когда-нибудь Оденсберг должен перейти ко мне по наследству; о выборе не может быть и речи.

– Какая неблагодарность, Дернбург! Добрая фея с колыбели наделила вас жребием, о котором все мечтают, а вы принимаете его со вздохом.

– Потому что он мне не по плечу, и я чувствую это. Когда я смотрю на отца и думаю, что в будущем мне придется заменить его, то мне становится страшно; мной овладевают уныние и робость, с которыми я совершенно не могу справиться.

– В будущем! – повторил бурой. – Зачем думать о таком далеком времени? Ваш отец здоров и еще полон сил, наконец, ведь он оставит вам хороших помощников в лице своих служащих, прошедших хорошую школу под его руководством. Так вы в самом деле недолго пробудете в Ницце? Жаль! Нам будет недоставать вашего общества.

– «Нам»? – тихо повторил Дернбург. – Вы говорите также и от имени вашей сестры?

– Конечно! Цецилии будет неприятно лишиться своего верного рыцаря. Разумеется, найдутся люди, которые постараются утешить ее. Кстати, знаете, вчера я чуть серьезно не поссорился с Марвиллем из-за того, что предложил вам место в своем экипаже, на которое он наверняка рассчитывал!

Лицо молодого человека омрачилось, и он с раздражением ответил:

– Виконт Марвилль всегда претендует на место возле баронессы и, конечно, с успехом заменит меня.

– Если вы добровольно уступите ему это место, – может быть. До сих пор Цецилия отдавала предпочтение своему соотечественнику-немцу, но, несомненно, что этот любезный француз нравится ей; к тому же отсутствующий всегда оказывается виноват, особенно в глазах молодых девиц.

Барон говорил шутливым тоном, не стараясь придать особенное значение своим словам, как будто вообще считал это дело не особенно серьезным. Тем серьезнее, по-видимому, смотрел на него Дернбург; он ничего не ответил, но было видно, что он борется с самим собой; наконец он заговорил неуверенным тоном и запинаясь:

– Господин фон Вильденроде, я хотел... давно уже... только до сих пор не смел...

Барон посмотрел на него вопросительно. В его глазах выразилась не то насмешка, не то сострадание; этот взгляд, казалось, говорил: «Ты хочешь предложить свои миллионы и «не смеешь» заговорить об этом?». Однако он произнес:

– Говорите, говорите, пожалуйста! Ведь мы не совсем чужие друг другу и, смею надеяться, я имею некоторое право на ваше доверие.

– Может быть, для вас не тайна, что я люблю вашу сестру, – почти робко произнес Дернбург, – но все-таки позвольте мне сказать вам, что обладание Цецилией было бы для меня высшим счастьем и что я сделаю все от меня зависящее, чтобы она также была счастлива. Могу ли я надеяться?

Вильденроде, действительно, нисколько не был удивлен этим признанием; он только многообещающе улыбнулся.

– Об этом вам следует спросить у самой Цецилии. Девушки вообще щепетильны в таких делах, а моя сестрица особенно; очень может быть, что я чересчур снисходителен к ней, а в обществе ее еще больше балуют, в чем вы могли убедиться хотя бы во время сегодняшнего катанья.

– Да, я видел, – удрученным тоном произнес молодой человек, – и именно поэтому у меня не хватало до сих пор мужества заговорить с ней о своей любви.

– В самом деле? В таком случае я считаю своим долгом ободрить вас. Предвидеть решение нашей капризной маленькой принцессы невозможно, но, между нами говоря, я не боюсь, что вы получите отказ.

– Вы думаете? – с восторгом воскликнул Дернбург. – А вы, барон?

– Я с удовольствием буду приветствовать вас как зятя и с полным спокойствием доверю вам судьбу сестры. Ведь мне нужно одно: чтобы эта девочка была любима и счастлива.

– Благодарю вас! – воскликнул Дернбург. – Я невыразимо счастлив уже тем, что вы согласны и подаете мне надежду на успех, а теперь...

– Вы хотели бы услышать согласие и из других уст? – со смехом закончил Вильденроде. – Я с удовольствием доставлю вам случай объясниться, но вы должны сами добиться согласия сестры: я предоставляю ей полную свободу. Надеюсь, мое предположение придало вам некоторую храбрость; попытайтесь же, милый Эрих!

Барон дружески кивнул головой миллионеру и вышел. Дербург вернулся в салон, и его взгляд остановился на массе цветов, принесенных лакеем из экипажа. Да, действительно, Цецилия Вильденроде избалована вниманием общества. Как осыпали ее сегодня цветами и комплиментами! У нее был огромный выбор поклонников; имел ли он, Дербург, основание надеяться, что она выберет именно его? Он мог предложить Цецилии богатство, но ведь она сама была богата – поведение ее брата не позволяло сомневаться в этом; кроме того, она происходит из старинного дворянского рода и представляет, по крайней мере, не менее выгодную партию, чем он.

По лицу молодого человека было ясно видно, что, несмотря на поощрение барона, он боится предстоящего объяснения.

Тем временем Вильденроде прошел в комнату сестры. Цецилия стояла перед зеркалом и, когда он вошел, слегка обернулась.

– Ах, это ты, Оскар? Я сейчас приду, только воткну цветок в волосы.

Барон взглянул на роскошный букет бледно-желтых роз, лежавший на туалетном столике перед Цецилией, и спросил:

– Эти цветы ты получила от Дербурга?

– Да, он подарил мне их сегодня перед катанием.

– Хорошо, укрась ими волосы.

– Это я сделала бы и без твоего милостивого разрешения, потому что они красивее всех других, – рассмеялась Цецилия и, вытащив из букета одну из роз, необыкновенно грациозным движением поднесла ее к волосам.

Стройная девятнадцатилетняя девушка была совершенно не похожа на брата; на первый взгляд у них только и было общего, что темный цвет волос и глаз, в остальном же ни одна черточка не указывала на их кровное родство.

Цецилия относилась к тем девушкам, которые производят неизгладимое впечатление на мужчин. Черты ее лица были не такими правильными, как у брата, но они обладали неотразимой прелестью; совершенно черные, необычайно густые волосы, зачесанные по последней моде, и смуглый, матовый цвет кожи никак не напоминали о ее германском происхождении; из-под черных ресниц влажно блестели темные глаза, казавшиеся загадкой всем, кто заглядывал в них поглубже. Это не были глаза только что расцветшей девушки; в их темной глубине тоже тлела искра, готовая разгореться в яркое пламя, и в них было то же пылкое, страстное выражение, которое скрывалось у Оскара под кажущейся холодностью. Только в этом заключалось сходство между братом и сестрой, но то было роковое сходство.

На Цецилии было то же шелковое платье, в котором она ездила на корсо; к груди она приколотла несколько полураспустившихся бутонов, а в темные волосы воткнула совершенно распустившуюся розу. В этом душистом украшении она была прелестна, и взгляд брата с видимым удовольствием остановился на ней.

– Цецилия, – понизив голос, заговорил он, – Эрих Дербург предлагает тебе кое-что поважнее роз – свою руку. Он только что говорил со мной, и сейчас хочет объясниться и с тобой.

Молодая девушка приняла это известие без малейших признаков удивления и равнодушно спросила:

– Уже?

– Уже! Я давно ждал этого, и Дербург давно был намерен объясниться, но, должно быть, ты мало поощряла его.

Между бровями Цецилии образовалась морщинка, и она воскликнула:

– Если бы только он не был так ужасно скучен!

– Цецилия, ты знаешь, как я желаю этого союза, и, надеюсь, что ты будешь вести себя соответственно этому желанию.

Слова барона звучали весьма жестко и, казалось, не допускали возражения сестры; она нетерпеливым движением отодвинула в сторону остальные розы.

– Но почему же я должна выйти именно за Дернбурга? Виконт Марвилль гораздо красивее, гораздо приятнее...

– Но и не помышляет о том, чтобы сделать тебе предложение, так же, как и все другие твои поклонники, – перебил ее Вильденроде. – В этом ты можешь положиться на меня: я прекрасно знаю всех этих господ. Брак с Дернбургом укрепит за тобой блестящее положение в свете: Дернбург очень богат.

– Что же из этого? Мы тоже богаты.

– Нет! – коротко и резко ответил барон, – мы не богаты! Я вынужден сказать тебе это для того, чтобы ты из-за каприза или ребячества не погубила своего будущего. Я вполне убежден, что ты примешь предложение Дернбурга.

Цецилия полуиспуганно, полунедоверчиво смотрела на брата; но, очевидно, она привыкла подчиняться его авторитету, а потому не пыталась более противоречить.

– Как будто я посмею сказать «нет», когда мой строгий, братец велит сказать «да»? – ответила она, надув губы. – Только пусть Дернбург не воображает, что я стану жить с ним в его скучном Оденсберге! Жить среди орды рабочих, вблизи заводов с их пылью и копотью! Мне делается страшно даже при одной мысли об этом.

– Это все устроится. Ты не имеешь никакого понятия о том, что значит быть владельцем оденсбергских заводов и какое положение в свете ты займешь как жена Эриха; когда ты уяснишь себе это, то поблагодаришь меня за мой выбор. Однако пойдем: не будем заставлять долго ждать твоего будущего супруга.

Барон взял сестру под руку и повел ее в салон, где их ждал обеспокоенный Дернбург. Барон не подал вида, что заметил это, и завел непринужденный разговор с ним и сестрой о катании по корсо и небольших приключениях, происшедших за день; наконец ему пришлось в голову полюбоваться солнечным закатом; он вышел на веранду, как будто нечаянно запер за собой стеклянную дверь и таким образом дал молодым людям возможность остаться с глазу на глаз.

– Здесь как на цветочном рынке! – со смехом воскликнула Цецилия, указывая на заваленный цветами стол. – Франсуа, разумеется, постарался как можно безвкуснее нагромоздить их друг на друга; придется самой заняться этим. Не поможете ли мне?

Она поставила букеты в вазы, а остальными принялась украшать камин. Дернбург помогал ей, но оказался очень неловким, так как его глаза неотрывно следили за стройной фигурой девушки в блестящем платье и пышной розой в темных волосах. Он с первого взгляда узнал, что она приколотла его цветы, и счастливая улыбка появилась на его губах. «Не сделал ли ей брат хоть какого-нибудь намека?» – подумал он. – Но нет, она держалась непринужденно, ее шаловливое обращение с ним ничем не отличалось от обычного, она весело смеялась над его рассеянностью, – не может быть, чтобы она уже знала о его предложении!

Действительно, в Цецилии не было и следа милой застенчивости и смущения молодой девушки, готовящейся услышать решительный вопрос из уст мужчины; ей и в голову не приходило смотреть на дело серьезно. Ей шел двадцатый год; в кругу, к которому она принадлежала, молодые девушки всегда выходят замуж в этом возрасте, или, скорее, их выдают замуж, так как обычно за них решают родители; она ровно ничего не имела против замужества вообще. Ей казалась весьма заманчивой свобода, которой пользуется замужняя женщина, ей хотелось приобрести право самостоятельно выбирать туалеты и пользоваться прочими прелестями, хоте-

лось выйти из-под власти брата, который бывал иногда настоящим деспотом, только... виконт Марвилль казался ей несравненно более пылким и любезным, чем этот Дернбург, не обладавший даже дворянским титулом! Собственно говоря, она находила возмутительным факт, что баронессе Вильденроде придется носить простую мещанскую фамилию.

Девушка взяла последний букет, как вдруг услышала свое имя, произнесенное почти шепотом, но с глубокой нежностью: «Цецилия!». Она обернулась и взглянула на стоявшего рядом Эриха; он продолжал тем же тоном:

– Ваши глаза и мысли заняты только цветами; неужели у вас нет ни одного взгляда для меня?

– А вы так нуждаетесь в моем взгляде? – кокетливо спросила Цецилия.

– О, как нуждаюсь! Он должен придать мне мужества для одного признания. Согласны ли вы выслушать меня?

– Какой торжественный тон! Разве то, что вы хотите сказать, так уж важно?

– Я прошу вас подарить мне счастье всей моей жизни! Я люблю вас, Цецилия, полюбил с первого дня, когда увидел! Вы должны были уже давно заметить мою любовь, догадаться... но вы всегда окружены поклонниками и так редко давали мне повод надеяться. Теперь срок моего отъезда приближается, и я не в силах уехать, не узнав своей судьбы. Хотите ли вы быть моей, Цецилия? Я все положу к вашим ногам, буду исполнять каждое ваше желание, всю жизнь буду носить вас на руках! Скажите только слово, одно единственное слово, которое дало бы мне надежду, но не говорите «нет», потому что этого я не переживу!

Дернбург схватил руку девушки, его лицо покрылось яркой краской, голос дрожал от сильного волнения. Это признание нельзя было назвать бурным и страстным, но в каждом слове слышались глубокая любовь и нежность. Цецилия, которой уже многие говорили о любви, но которой был совершенно незнаком такой тон, слушала не то с изумлением, не то с любопытством. Она никак не ожидала такого объяснения от своего тихого, робкого поклонника; он продолжал умолять еще нежнее, еще настойчивее, и наконец желанное «да» слетело с ее губ, правда, несколько нерешительно, но добровольно.

В избытке счастья Дернбург хотел заключить свою невесту в объятия, но она отскочила назад; это было бессознательное движение испуга, почти отвращения; оно, по всей вероятности, оскорбило бы и охладило бы всякого другого, но Эрих увидел в нем лишь милую стыдливость девушки и тихо сказал, ласково удерживая ее руки в своих:

– Цецилия, если бы ты знала, как я люблю тебя!

Голос Дернбурга был так нежен, что не мог не произвести впечатления на Цецилию; она только теперь сообразила, что не может отказать жениху в его праве.

– Ну, значит, и мне придется немножко любить тебя, Эрих! – сказала она с восхитительной улыбкой и позволила ему обнять себя и поцеловать.

Вильденроде продолжал стоять на веранде и обернулся только тогда, когда парочка подошла к нему. Дернбург, сияя гордостью и счастьем, представил ему свою невесту и принял поздравление своего будущего шурина, который обнял сначала сестру, а потом и его.

Веял теплый весенний ветерок; ослепительный блеск дня уже поблек, уступая место тому чудному теплоте сиянию, которое можно наблюдать только на юге во время заката солнца; город и окружающие возвышенности точно светились в красных лучах, морские волны вздымались и плескались, как расплавленное золото; розовый туман заволакивал горы вдали, а кровавый солнечный диск опускался все ниже и наконец исчез за горизонтом.

Эрих обвил рукой талию невесты и стал нашептывать ей на ухо тысячи нежностей. Будущее с любимой девушкой представлялось ему таким же ясным и золотистым, как прекрасный мир, расстилавшийся перед ним. Вильденроде стоял отвернувшись; из его груди вырвался глубокий вздох и он чуть слышно прошептал с торжествующим блеском в глазах:

– Наконец-то!

3

– Мне очень жаль, господа, но я считаю все ваши проекты несостоятельными. Необходимо поскорее найти по возможности дешевый способ осушения почвы Радефельда; ваши же проекты требуют таких трудоемких и дорогостоящих работ, что об их выполнении не может быть и речи.

Таковыми словами Эбергард Дернбург, владелец оденсбергских заводов, энергично отверг предложения своих служащих. Те пожалы плечами, продолжая смотреть на планы и чертежи, разложенные на столе; наконец один из них сказал:

– Но ведь все работы осложняются тем, что здесь очень тяжелые почвы, гора и лес на всем протяжении.

– И надо быть готовыми ко всяким случайностям, – вставил другой.

– Осушение, действительно, обойдется дорого, но в данном случае иначе и быть не может.

Все трое – директор заводов, главный инженер и заведующий техническим бюро – совершенно сходились во мнении. Совещание происходило в рабочем кабинете Дернбурга, где последний обычно принимал доклады своих подчиненных; сегодня здесь присутствовал и его сын. Это была просто отделанная комната с книжными шкафами; письменный стол был завален бумагами, на боковых столах лежали планы и карты. Эта комната была центром управления всех громадных оденсбергских заводов, местом неустанной работы и непрерывной деятельности.

– Так вы считаете, что по-другому сделать никак нельзя? – снова заговорил Дернбург, вынимая из лежащего перед ним портфеля бумагу и разворачивая ее. – Взгляните-ка сюда, господа! Здесь прокладка трубы начинается тоже с верхнего участка, но Потом она проходит сквозь гору Бухберг и уже без всяких затруднений идет через Радефельд к заводам. Вот решение, которое мы ищем.

Все с несколько растерянным видом поспешно нагнулись над чертежом; такой проект, действительно, не приходил в голову ни одному из них, по-видимому, они смотрели на него не особенно благосклонно.

– Прорезать Бухберг? – спросил директор. – Весьма смелый план, несомненно, представляющий значительные выгоды, но я считаю его невыполнимым.

– И я также, – присоединился к нему главный инженер. – Во всяком случае, чтобы узнать, возможно ли осуществить этот план, необходимы предварительные исследования. Бухберг...

– Будет прорезан, – перебил его Дернбург. – Подготовка к работам уже начата. Эгберт Рунок производивший там исследования, утверждает, что это возможно, и подробно излагает свои соображения в объяснительной записке.

– Так это его план? – спросил заведующий техническим бюро. – Я так и думал.

– Что вы хотите этим сказать, господин Вининг? – спросил Дернбург, быстро обернувшись.

Вининг поспешил его заверить, что он не хотел сказать ничего особенного; этот вопрос интересовал его только потому, что он был непосредственным начальником молодого техника. Остальные молчали, но смотрели на своего патрона странным, вопросительным взглядом.

Однако тот как будто не замечал этого и сказал спокойно, но с известной резкостью в голосе:

– Я решил принять план Рунека, он соответствует всем моим требованиям, а издержки будут приблизительно вдвое меньше, чем при выполнении ваших проектов. Отдельные детали, разумеется, надо будет еще обсудить, но во всяком случае следует приступить к работам как можно скорее. Мы еще поговорим об этом, господа.

Служащие поклонились и вышли; в передней директор остановился и спросил вполголоса:

– Что вы на это скажете?

– Я не понимаю нашего патрона, – ответил главный инженер, также осторожно понизив голос. – Неужели он действительно ничего не знает? Или он не хочет знать?

– Понятно, знает! Я сам докладывал ему об этом, да наш господин социалист и не думает оставлять в тайне свои взгляды; он говорит об этом без малейшего стеснения. Пусть кто-нибудь другой решился бы на то же здесь, в Оденсберге – ему сию же минуту указали бы на дверь, а об отставке Рунека, кажется, и речи нет! Вот и его план сразу же приняли, в то время как нам весьма ясно дали понять, что наши никуда не годятся. Ведь это, если хотите, возмутительно!

– Подождите еще, – спокойно перебил его Вининг, – в этом вопросе наш патрон не допускает шуток; в свое время он вмешается и, если Рунок не подчинится безоговорочно, – будь он хоть десять раз другом и спасителем его сына, – ему не сдобровать!

– Будем надеяться! – сказал директор. – Кстати, об Эрихе; он выглядит еще совсем больным и поразительно молчалив; на совещании он не сказал и десяти слов.

– Потому что ничего в этом не смыслит. Какими только знаниями его ни пичкали, но, очевидно, в его голове мало что застряло. Он ничего не унаследовал от отца ни физически, ни нравственно. Однако мне пора идти, надо съездить в Радефельд. До свидания, господа!

Отец и сын Дернбурги остались в кабинете одни. Первый стал молча ходить взад и вперед; несомненно, он был в плохом настроении.

Несмотря на свои шестьдесят лет, Эбергард Дернбург был еще в расцвете сил и только седые волосы и морщины на лбу свидетельствовали о том, что он уже находится на пороге старости; однако его волевое лицо не напоминало об этом, взгляд был еще пронизателен и ясен, высокая фигура стройна; манеры и речь показывали, что этот человек привык повелевать и всюду встречать полное повиновение. Таким образом, даже внешность говорила о его сильной натуре.

Что сын не унаследовал от него ни одной черты, было как нельзя более ясно, а взгляд, брошенный на портрет в натуральную величину, висевший над письменным столом, до некоторой степени объяснял это обстоятельство; портрет изображал покойную жену Дернбурга, и Эрих был похож на нее как две капли воды; это было то же лицо с тонкими, но ничем не примечательными чертами, с теми же мягкими линиями и тем же мечтательным взглядом.

– Вот так, мои мудрые специалисты! – наконец заговорил Дернбург-старший насмешливым и раздраженным тоном. – Целый месяц возились над решением задачи, придумывали всевозможные планы, из которых ни один совершенно не годится, а Эгберт втихомолку произвел все нужные исследования и вдруг преподнес мне готовый проект, да еще такой проект! Как ты находишь его, Эрих?

Молодой человек смущенно посмотрел на чертеж, который держал в руках, и произнес:

– Ведь ты говоришь, что он прекрасен, папа. Я... извини, я еще не вполне разобрал, в чем дело.

– Но, мне кажется, он достаточно понятен и, кроме того, он у тебя в руках со вчерашнего вечера. Если тебе нужно так много времени, чтобы понять такой простой проект, к которому к тому же приложены всевозможные объяснения, то как же ты научишься быстро и правильно разбираться во всех делах? А ведь эта способность совершенно необходима будущему владельцу оденсбергских заводов.

– Я полтора года не был здесь, – заметил Эрих, – и все это время доктора настаивали, чтобы я избегал всякого умственного напряжения; будь снисходителен ко мне и дай мне время опять привыкнуть к делу.

– Тебя с детства жалели и всячески оберегали от работы, – нахмурившись сказал Дернбург. – При твоей болезненности о серьезном учении нечего было и думать, а о практической

деятельности и подавно. Я возлагал все свои надежды на твое возвращение с юга, а теперь... Впрочем, я не упрекаю тебя, ты не виноват, но это – большое несчастье для такого человека как ты, ведь твое положение накладывает на тебя определенные обязанности. Что будет, когда меня не станет? Положим, у меня надежные служащие, но ведь они полностью зависят от меня и работают лишь под моим руководством. Я привык все делать сам и не выпускать из рук бразды правления, а твоя рука, боюсь, никогда не будет в состоянии удержать их. Я уже давно убедился в необходимости подготовить тебе помощника на будущее. Надо же было Эгберту именно теперь сыграть со мной такую злую шутку и запутаться в сетях социал-демократов! Это хоть кого взбесит!

Он сильно топнул. Эрих с некоторой робостью посмотрел на отца и тихо сказал:

– Может быть, дело еще не так плохо, как тебе сказали; директор мог кое-что преувеличить.

– Ничего он не преувеличил! Это ученье в проклятом Берлине погубило мальчика! Я забеспокоился уже тогда, когда он через каких-нибудь два-три месяца после отъезда отказался от денег, которые я давал ему на его образование, говоря, что сам как-нибудь заработает уроками черчения или другой работой. Я знал, что ему придется довольно-таки туго, но мне понравились его гордость и независимость, и я предоставил поступать, как ему угодно. Теперь я вижу, в чем дело! Уже тогда эти безумные идеи начали бродить в его голове, тогда уже были затянуты первые петли сети, в которой он теперь запутался; он не хотел принимать денег, зная, что, как только известие о его сближении с социалистами дойдет до меня, между нами все будет кончено.

– Я еще не говорил с ним, а потому и не могу судить об этом. Он в Радефельде?

– Он приедет сегодня, я жду его.

– Ты хочешь потребовать от него отчета?

– Конечно. Давно пора!

– Папа, прошу тебя, не будь слишком суров с Эгбертом! Разве ты забыл...

– Что он вытащил тебя из воды? Нет, но он забыл, что с тех пор был для меня почти сыном. Не спорь со мной, Эрих! Ты не понимаешь этого.

Молодой человек замолчал; он не смел противоречить отцу. Вдруг тот остановился и сердито сказал:

– У меня и без того голова полна всевозможными неприятностями, а тут еще ты со своей любовью и намереньем жениться! С твоей стороны было чрезвычайно необдуманно торопиться с помолвкой, не дождавшись моего согласия.

– Я думал, что могу заранее рассчитывать на него, и Вильденроде, отдавая мне руку сестры, думал так же. Да и что ты можешь иметь против моего выбора? У тебя будет прелестная дочь; кроме того, она богата, из уважаемой семьи, принадлежит к старинному аристократическому роду...

– Этого я ни во что не ставлю, – резко перебил Дернбург-старший. – Если даже твой выбор и вполне подходящ, ты должен был сначала спросить меня, а ты, прежде чем получил мой ответ, не только обрuchился, но даже позволил объявить об этой помолвке в Ницце. Так и кажется, что вы боялись протеста с моей стороны и хотели предупредить его.

– Да об этом и речи быть не может. Мои чувства к Цецилии были замечены окружающими, о нас стали судачить, и Оскар сказал мне, что во избежание недоразумения необходимо объявить о помолвке.

– Все равно, ты не должен был самовольничать. Впрочем, полученные мною сведения оказались вполне удовлетворительными. Я обратился за справками не в Ниццу, где путешественники останавливаются лишь на короткое время, а на родину Вильденроде. Их бывшие поместья теперь принадлежат королю, и гофмаршал дал мне все нужные сведения.

– Это было совершенно лишнее! – с упреком сказал молодой человек.

– Для тебя – может быть, а я считаю это необходимым. Вильденроде принадлежат к старинной аристократии. Покойный барон, как кажется, вел расточительный образ жизни, но пользовался всеобщим уважением; после его смерти имения были проданы за весьма значительную сумму королю с условием, чтобы вдове было предоставлено право жить во дворце; все это соответствует тому, что сообщил тебе Вильденроде, к которому, кстати, я не питаю ни малейшей симпатии.

– Но ведь ты его не знаешь! Оскар – очень умный и во многих отношениях замечательный человек.

– Очень может быть, но человек, который, получив наследство, тотчас постарался подороже спустить родовые поместья, бросил службу отечеству и без всякого дела отправился шататься по свету, не внушает мне особенного уважения. Такая цыганская жизнь знатных трутней, переезжающих с места на место и всюду гоняющихся лишь за удовольствиями, мне противна. Я не вижу также особенно трогательной братской любви в том, что барон заставил свою молоденькую сестру разделять с ним такую жизнь.

– Он страстно любит Цецилию, и у нее нет никого на свете, кроме него. Неужели он должен был поручить свою единственную сестру чужим людям?

– Может быть, это было бы гораздо лучше; лишая молодую девушку родины и семьи, мы лишаем ее опоры; но Цецилия все это снова обретет здесь, у нас. Ты любишь ее и, если ты уверен в ее взаимности...

– Разве я получил бы ее согласие в противном случае? – воскликнул Эрих. – Ведь я рассказывал тебе, сколько у нее поклонников; все общество было у ее ног; у нее был огромный выбор, но она предпочла меня!

– Вот это-то меня и удивляет; ты не обладаешь ни одним из прекрасных качеств, привлекающих девушку с ее воспитанием и претензиями. Но, как бы то ни было, я желаю прежде всего лично познакомиться с твоей невестой и ее братом; мы пригласим их в Оденсберг, а там посмотрим, что делать. А пока я прошу тебя больше не распространяться об этом.

С этими словами Дернабург вышел из кабинета в библиотеку, расположенную рядом.

Эрих бросился в кресло. Он чувствовал крайнее разочарование; его помолвка не получила одобрения отца, и это подействовало на него подавляюще. Он даже не предполагал о возможности каких-либо возражений и воображал, что отец с восторгом одобрит его выбор; вместо этого отец стал наводить справки, раздумывать; по-видимому, он питал недоверие к Вильденроде и хотел оставить за собой право отказать в согласии в последнюю минуту. Молодого человека бросило в жар при мысли, что прежде чем его избалованная невеста и ее гордый брат получат доступ в их семью, они будут подвергнуты в Оденсберге чему-то вроде испытания.

Открылась дверь; Эрих вздрогнул и очнулся.

– Эгберт! – радостно воскликнул он, вскакивая и быстро идя навстречу вошедшему.

Тот протянул ему руку.

– Добро пожаловать на родину, Эрих!

– Да, я долго пробыл за границей, так долго, что родина стала мне почти чужой. Мы не виделись целую вечность.

– В самом деле, ведь я два года пробыл в Англии и только недавно вернулся. Но прежде всего как твое здоровье?

Эгберт Рунек был почти ровесником Эриху, но на вид казался на несколько лет старше. Он производил впечатление достаточно сильного человека, а ростом был значительно выше Эриха; загорелое от солнца и ветра лицо было вовсе некрасиво, но каждая его черта была выразительна и энергична; густые белокурые волосы и борода имели легкий рыжеватый оттенок, над темно-серыми глазами высился сильно развитой лоб. Этот человек имел такой вид, как будто до сих пор не знал и не искал радостей жизни, а был знаком лишь с ее трудностями.

В его движениях тоже чувствовалась какая-то суровость, впрочем, смягченная в настоящую минуту, какое-то упорство, которое составляло выдающуюся черту его характера.

– О, я совсем поправился, – сказал Эрих, отвечая на вопрос друга. – Разумеется, путешествие немного утомило меня и перемена климата отражается на моем здоровье, но все это пройдет.

– Конечно, тебе надо еще привыкнуть к северному климату.

– Если бы только это не было так трудно! – вздохнул Эрих. – Ведь ты не знаешь, что именно так долго и так упорно удерживало меня там, на солнечном юге.

– Нет, но по намекам в твоём последнем письме я без труда угадал истину. Или это – тайна?

Светлая, счастливая улыбка скользнула по лицу Эриха; он слегка покачал головой.

– Для тебя – нет, Эгберт. Отец желает, чтобы пока в Оденсберге об этом никто не знал, но тебе я могу сказать, что под пальмами Ривьеры, на берегу голубого моря, я нашел счастье, такое опьяняющее, такое сказочное, о каком никогда даже и не мечтал. Если бы ты знал мою Цецилию, если бы видел ее красоту, ее обворожительные манеры... Ах, вот опять холодная, насмешливая улыбка, с которой ты встречаешь всякое горячее, восторженное чувство! Ты, строгий Катон³, никогда не знал любви, не хотел ее знать.

– Мне с самой ранней молодости пришлось взяться за серьезную работу, а при такой жизни романтизм не идет в голову. Для того, что ты называешь любовью, у нашего брата нет времени.

Это бесцеремонное замечание обидело влюбленного жениха; он взволнованно воскликнул:

– Так ты считаешь любовь забавой бездельников? Ты все прежний, Эгберт! Ты никогда не верил в эту таинственную, могучую силу, которая непреодолимо влечет двух людей друг к другу и соединяет их навеки.

– Нет! – с сознанием собственного превосходства ответил Эгберт. – Однако не будем спорить об этом. Тебе с твоим мягким сердцем необходимо любить и быть любимым; это для тебя – одно из условий жизни; я же создан совсем из другого теста и с давних пор стремлюсь к иным целям, которые несовместимы с мечтами о любви. Так твою невесту зовут Цецилией?

– Цецилией фон Вильденроде. Что с тобой? Тебе знакома эта фамилия?

Рунок, действительно, как будто смутился и странно-испытующе взглянул на друга.

– Мне кажется, я когда-то слышал ее, говорили о каком-то бароне Вильденроде.

– По всей вероятности, о моем будущем шурине, – непринужденно заметил Эрих, – это старинная и всем известная дворянская фамилия. Прежде всего ты должен посмотреть на мою Цецилию; я познакомил с ней отца и сестру, по крайней мере, по портрету.

Он взял со стола отца большую фотографию и протянул ее другу. Портрет был очень похож и хотя, конечно, не передавал всей прелести оригинала, но все-таки достаточно выказывал его красоту; на Руника смотрели большие темные глаза Цецилии. Эгберт молча рассматривал портрет, и только вопросительный взгляд жениха заставил его сказать:

– Очень красивая девушка.

От этих слов повеяло ледяным холодом, и это умерило пыл Эриха, который рассчитывал услышать слова восторга. Они стояли у письменного стола; взгляд Руника случайно упал на другую фотографию, и на его лице опять промелькнуло то же странное выражение, которое появилось раньше, когда он слышал фамилию Вильденроде; его лицо дрогнуло.

– А это, по всей вероятности, брат твоей невесты? Об этом нетрудно догадаться, они очень похожи.

³ Катон, знаменитый государственный деятель древнего Рима (234–149 гг. до Р. Х.), в должности цензора отличался особенной строгостью.

– Это, действительно, Оскар фон Вильденроде, но сходства между ними нет никакого: Цецилия совершенно не похожа на брата. У нее не такие черты лица.

– Но те же глаза, – медленно сказал Эгберт, не сводя взгляда с двух портретов, а потом вдруг отодвинул их от себя и отвернулся.

– Ты не хочешь даже пожелать мне счастья? – с упреком спросил Эрих, обиженный таким равнодушием.

– Извини, я забыл. Дай тебе Бог счастья, такого счастья, какого ты заслуживаешь! Однако мне надо идти к твоему отцу, он ждет меня.

Он явно хотел окончить разговор. Эрих в свою очередь вспомнил о предстоящем свидании друга с отцом и о предмете их беседы.

– Папа в библиотеке, – ответил он, – и ему нельзя мешать; ты можешь еще посидеть со мной. Он вызвал тебя из Радефельда... тебе известно зачем?

– По крайней мере, я догадываюсь. Он говорил с тобой об этом?

– Да, я услышал эту новость от него первого. Эгберт, Бога ради, ведь ты знаешь моего отца, а также то, что он никогда не потерпит инакомыслия на своих заводах!

– Он вообще не терпит никакого мнения, кроме своего. Он не хочет понять и никогда не поймет, что мальчик, который обязан ему своим воспитанием, стал взрослым человеком; его удивляет, как это его воспитанник смеет иметь собственные убеждения и идти своей дорогой.

– Кажется, эти идеи довольно резко расходятся с нашими, – тихо сказал Эрих. – В письмах ты ни разу не упоминал об этом.

– Зачем? Тебя надо было оберегать от всякого волнения, и ты все равно не понял бы меня, Эрих. Ты с детства робко отворачивался ото всех вопросов современной жизни, а я заглянул настоящему прямо в глаза; если при этом между нами образовалась пропасть, то я не в силах изменить это.

– Между нами – нет, Эгберт! Мы друзья и останемся друзьями, что бы ни случилось! Или ты думаешь, я забыл, что обязан тебе жизнью? Конечно, ты, по-прежнему, и слышать не хочешь о моей благодарности, но я до сих пор чувствую все, что тогда испытал, помню падение в воду, ужас, наполнивший мою душу, когда бешеный водоворот подхватил меня, а потом блаженное чувство безопасности, когда твоя рука схватила меня. Я всеми силами мешал спасать меня, судорожно цепляясь за тебя; я подвергал тебя самого смертельной опасности, и всякий другой бросил бы меня, но ты этого не сделал; благодаря своей исполинской силе, ты сумел удержаться на поверхности и продвигаться вперед, пока мы оба не достигли берега. Для шестнадцатилетнего мальчика это был героический подвиг!

– Это был просто удобный случай испытать свои силы и умение плавать, – возразил Рунек. – Для меня это купание не имело никаких последствий, тогда как ты опасно заболел от испуга и простуды.

Он замолчал, потому что в эту минуту в комнату вошел Дербург с книгой в руке; патрон так спокойно ответил на поклон молодого инженера, как будто между ними ровно ничего не случилось.

– Вы, конечно, наслаждаетесь первым свиданием после долгой разлуки? – спросил он. – Ты впервые видишь сегодня Эриха, Эгберт; как ты его находишь?

– У него все еще болезненный вид, и, конечно, ему надо некоторое время очень беречься.

– Доктор того же мнения. Сегодня ты как будто особенно утомлен, Эрих! Иди в свою комнату и отдохни.

Молодому человеку хотелось остаться, чтобы стать третейским судьей и примирителем между ними, если объяснение примет чересчур бурный характер, но слова отца звучали почти приказанием, а Рунек тихо произнес:

– Уйди, прошу тебя!

Эрих с горечью покорился. Он чувствовал в этой привычке щадить его что-то унижительное для себя и сознавал, что его щадили не только ввиду его физической слабости. Отец никогда не смотрел на него, как на самостоятельного и равного ему человека; собственно говоря, и друг смотрел на него так же. Теперь его удалили, чтобы он «отдохнул» – другими словами, его хотели избавить от необходимости быть свидетелем очень неприятного столкновения, а он позволил удалить себя с тягостным сознанием, что его присутствие совершенно не нужно и бесполезно.

Дернбург и Эгберт остались одни; первый опустился на стул перед столом, держа в руках чертеж радефельдской трубы и глядя на него.

– Я принимаю твой проект, Эгберт, он лучший из всех, которые были предложены мне, и прекрасно решает все проблемы. О некоторых подробностях надо еще подумать, тебе придется кое-что изменить, но в общем проект превосходен, и работы будут начаты в ближайшее время. Хочешь взять на себя их ведение?

Молодой инженер был очень удивлен, он ожидал совсем другого вступления. На его лице отразилось удовольствие, которое доставило ему одобрение патрона.

– Охотно соглашусь, но, насколько я знаю, работы уже поручены главному инженеру.

– Если я изменю решение, главному инженеру придется покориться, – объявил Дернбург. – Кто будет распоряжаться выполнением твоего плана – ты или он, зависит единственно от тебя, но, прежде чем говорить об этом, нам надо выяснить один вопрос.

Эгберт был достаточно подготовлен, чтобы догадаться, о чем пойдет речь; предстоящее объяснение совершенно не пугало его. Его лицо приняло холодное и упрямое выражение, и он выдержал мрачный взгляд патрона.

– Я уже давно замечаю, что ты вернулся к нам совсем другим, – заговорил Дернбург. – До известной степени эта перемена была неизбежна; ведь ты пробыл три года в Берлине и два года в Англии, твой кругозор расширился; я сам послал тебя из Оденсберга для того, чтобы ты посмотрел мир и научился правильно судить о нем; но теперь до меня дошли кое-какие слухи, и я желал бы получить от тебя объяснение по этому поводу. Правда ли, что ты постоянно водишь компанию с социал-демократами, открыто признаешь себя одним из них и состоишь в близких отношениях с их вождем Ландсфельдом? Да или нет?

– Да, – просто ответил Эгберт.

– Значит, все правда! И ты так спокойно говоришь это мне в лицо?

– Неужели же я должен отрицать истину?

– Когда ты стал членом их партии?

– Четыре года тому назад.

– Значит, в Берлине; я так и думал. Как это ты позволил обойти себя? Правда, тогда ты был еще очень молод и неопытен, но все-таки я считал тебя умнее.

Видно было, что тон допроса оскорблял Эгберта; он ответил спокойно, но с резким ударением на словах:

– Это – ваше мнение, господин Дернбург. Мне очень жаль, но мои взгляды отличаются от ваших.

– И мне нет до них никакого дела, так хочешь ты сказать? Ошибаешься! Мне есть дело до политических воззрений людей, служащих у меня; только я не имею обыкновения спорить с ними. По этому поводу, а просто увольняю их. Кому не нравится здесь, в Оденсберге, пусть уходит, я никого не держу; но тот, кто остается, должен подчиниться безоговорочно. Или то или другое; третьего не дано.

– В таком случае, придется, конечно же, выбрать первое, – холодно сказал Эгберт.

– Тебе так легко бросить нас?

Молодой человек мрачно потупился.

– Я у вас в долгу, я знаю это.

– Ты вовсе не в долгу у меня! Я дал тебе воспитание и образование, зато ты спас мне Эриха; без тебя я лишился бы единственного сына; мы квиты, если уж тебе угодно вести разговор в чисто деловом русле. Если ты предпочитаешь такой взгляд на наши отношения, скажи прямо, и дело с концом!

– Вы несправедливы ко мне, – сказал Рунок, борясь с волнением, – мне было бы трудно смотреть на вас с такой точки зрения.

– Ну, так что же принуждает тебя к этому? Ничего, кроме сумасбродных идей, в которых ты запутался! Или, ты думаешь, мне легко будет потерять тебя? Образумься, Эгберт! С тобой говорит не начальник; ты столько лет был мне почти сыном!

Молодой человек упрямо поднял голову и ответил с сознанием собственного достоинства:

– Ну, уж раз я «запутался» в своих «сумасбродных идеях», значит, так при них и останусь. Дети всегда со временем становятся взрослыми, и я стал взрослым именно тогда, когда жил вдали от вас; я не могу уже вернуться к жизни лишенного самостоятельности мальчика. Я добросовестно исполню все, что вы потребуете от меня как от инженера, но слепо подчиняться вам, как вы заставляете всех ваших служащих, я не могу и не хочу, мне нужна свобода!

– А у меня, значит, ты не пользуешься свободой?

– Нет, – твердо ответил Эгберт. – Вы отец для своих подчиненных, пока они рабски повинуются вам, но зато в Оденсберге знают только один закон – вашу волю. Директор покоряется вам так же беспрекословно, как последний рудокоп; собственного, независимого образа мыслей на ваших заводах нет и никогда не будет, пока вы ими руководите.

– Нечего сказать, приятные комплименты ты заставляешь меня выслушивать! – рассердился Дернбург. – Ты прямо называешь меня тираном. Правда, ты всегда знал, что можешь позволить себе по отношению ко мне гораздо больше, чем все остальные, взятые вместе, да нередко и делал это; ты никогда не отказывался от собственной воли, да и я не требовал этого от тебя, потому что... Впрочем об этом мы поговорим после. «Свобода!». Это опять один из ваших лозунгов! По-вашему, надо все уничтожить, все разрушить для того, чтобы «свободно» идти по дороге... к гибели! Несмотря на свою молодость, ты, говорят, играешь весьма значительную роль в вашей «партии». Она не скрывает, что возлагает на тебя величайшие надежды и видит в тебе будущего вождя. Надо признаться, эти господа далеко не глупы и хорошо знают, с кем имеют дело; у них нет тебе замены.

– Господин Дернбург! – воскликнул Рунок. – Вы считаете меня способным на низкие расчеты?

– Нет, но я считаю тебя честолюбивым, – хладнокровно ответил старик. – Может быть, ты и сам еще не знаешь, что именно погнало тебя в ряды социал-демократов, так я скажу тебе это. Быть толковым, добросовестным инженером и мало-помалу добиться должности главного инженера, это почетная карьера, но она чересчур скромна и незаметна для такой натуры, как твоя; руководить тысячами людей, одним словом, одним знаком направлять их, куда вздумается, греметь в рейхстаге, произнося воспламеняющие речи, к которым прислушивается вся страна, быть поднятым на щит как вождь, это – другое дело, это – могущество; именно это и привлекает тебя. Не возражай, Эгберт! Мой опыт позволяет мне видеть дальше тебя; мы поговорим об этом опять через десять лет.

Рунок стоял неподвижно, с нахмуренным лбом и сжатыми губами и не отвечал ни слова.

– Ну, мой Оденсберг вам придется пока еще оставить в покое, – продолжал Дернбург. – Здесь я хозяин и не потерплю вмешательства в мою власть, ни открытого, ни тайного; так и скажи своим товарищам, если они еще не знают этого. Однако интересно было бы услышать, что, собственно, ты думал, возвращаясь сюда с такими взглядами? Ведь ты знаешь меня! Почему ты не остался в Англии или в Берлине и не объявил мне войны оттуда?

Эгберт опять ничего не ответил, но опустил глаза, и темный румянец медленно залил его лицо до самых волос.

Дернбург видел это; его лицо прояснилось, на нем появилось даже что-то вроде легкой улыбки, и он продолжал более мягким тоном:

– Допустим, что причиной была привязанность ко мне и моей семье, ведь Эрих и Майя для тебя почти брат и сестра. Прежде чем ты действительно уйдешь от нас и будешь для нас потерян, ты должен узнать, от чего ты отказываешься и какого будущего лишаешь сам себя.

Рунек вопросительно посмотрел на него, он не мог понять, куда целит Дернбург.

– Что вы хотите сказать?

– Здоровье Эриха по-прежнему серьезно беспокоит меня. Хотя пребывание на юге устранило смертельную опасность, но не принесло ему полного выздоровления; он всегда будет вынужден избегать утомления, никогда не будет в состоянии трудиться в настоящем смысле этого слова; кроме того, у него мягкий, податливый характер. Я хорошо понимаю, что он не дорос до положения, которое ожидает его в будущем, а между тем мне хотелось бы быть уверенным, что, когда я закрою глаза, созданное мной дело перейдет в надежные руки. Номинально⁴ моим преемником будет Эрих, фактически им должен быть другой... и я рассчитывал на тебя, Эгберт.

– На меня? Я должен?..

– Управлять Оденсбергом, когда меня не станет, – договорил за него Дернбург. – Из всех людей, прошедших мою школу, только один способен это сделать, и этот один хочет теперь перевернуть вверх дном все мои планы на будущее. Майя – еще почти дитя; я не могу предвидеть, будет ли ее муж годиться для такого дела, как мое, хотя мне очень хотелось бы этого. Я не из тех глупцов, которые покупают для своих дочерей графские да баронские титулы; мне нужен только человек, все равно, какое бы положение он ни занимал, из какой бы среды ни вышел, предполагая, разумеется, что моя дочь почувствует к нему склонность.

В словах Дернбурга крылось ослепительно блестящее обещание, полувысказанное, но достаточно ясное, и молодой человек как нельзя лучше понял его; его губы дрожали, он порывисто сделал несколько шагов к своему воспитателю и произнес сдавленным голосом:

– Господин Дернбург... прогоните меня!

– Нет, мой мальчик, я не сделаю этого; сначала мы еще раз попытаемся договориться. А пока ты возьмешься за осушение Радефельда, и я предоставлю тебе достаточную самостоятельность в этом деле; если мы сумеем организовать всех своих рабочих, то к осени, вероятно, работа будет закончена. Согласен?

Эгберт явно боролся с собой; прошло несколько секунд, прежде чем он тихо ответил:

– Это – риск... для нас обоих.

– Положим, но я хочу рискнуть. Мне кажется, бороться за светлое будущее народа вы всегда успеете, так что мы можем отсрочить окончательное решение на месяц-другой, а пока мы с тобой заключим перемирие. А теперь иди к Эриху, я уверен, что его мучает самый ужасный страх за исход нашего разговора, да и Майя тоже будет рада видеть тебя. Ты останешься у нас обедать и уедешь только вечером. По рукам!

Он протянул Рунеку руку, и тот молча подал ему свою. Было видно, что на него повлияла доброта этого всегда строгого и непреклонного человека; но еще больше подействовало признание старика в том, насколько он дорог ему. Дернбург нашел самое действенное, может быть, даже единственное средство, которое могло иметь успех в данном случае; он не требовал ни обещания, ни жертвы, а выказал неограниченное доверие своему упрямому воспитаннику и этим обезоружил его.

⁴ Номинальный – фиктивный, являющийся кем-либо только по названию.

4

Дернбургские металлургические заводы принадлежали к числу наибольших предприятий и пользовались всемирной известностью. Оденсберг был расположен в одной из лесистых долин горного хребта, главное богатство которого состояло в неистощимых рудниках; полвека тому назад отец теперешнего владельца Оденсберга основал здесь небольшой завод, который постепенно сильно разросся, но такие грандиозные размеры он принял лишь при сыне, который, скупив все рудники и заводы в окрестностях, привлек к себе всю рабочую силу и так расширил производство, что стал диктовать свою волю промышленникам всей провинции.

Надо было обладать необыкновенным умом и энергией, чтобы создать такое предприятие и вести его, но Дернбургу эта задача оказалась по плечу. У него было множество инженеров, техников и других служащих, и все знали, что всякие сколько-нибудь важные распоряжения исходят от самого патрона; его считали строгим и непреклонным, но справедливым человеком, который, осознавая свое могущество, прекрасно понимает и свои обязанности.

Условия, которые он создал для своих рабочих, вполне соответствовали прекрасному состоянию производства и всеми признавались образцовыми. Создать их мог только человек, располагающий миллионами и не скупающийся на расходы, когда дело касалось блага его подчиненных; но взамен Дернбург требовал абсолютной покорности и твердо выдерживал натиск веяний нового времени, в основе которых была борьба за политические свободы каждого человека. В Оденсберге не знали, что такое выступление рабочих против хозяина и забастовки, постоянно происходившие в других промышленных городах; всем было известно, что патрона не переубедить; к тому же, увольняясь с его предприятия, рабочий лишал себя и свою семью обеспеченной жизни, поэтому никакие усилия социал-демократов не находили в Оденсберге благоприятной почвы.

И у этого человека, олицетворения силы и характера, был всего один сын, за жизнь которого он постоянно опасался. Эрих с детства был слабым и болезненным ребенком, а падение в воду вызвало продолжительную и опасную болезнь; докторам удалось спасти ему жизнь, но полного выздоровления они не добились, а два года назад у него пошла горлом кровь, вследствие чего было необходимо продолжительное пребывание на юге.

Прекрасные отношения, которые сложились между семьей молодого наследника и его спасителем, всегда были предметом не только удивления, но и зависти в Оденсберге. Эгберт Рунек, сын одного из рабочих завода, провел детство в кругу своей семьи, и если научился большему, чем его сверстники, то этим был обязан прекрасной школе, которую Дернбург открыл для детей своих рабочих. Способный мальчик и раньше уже обратил на себя внимание патрона неутомимостью и прилежанием; когда же Эгберт спас его единственного сына, его будущее было предрешено: он стал учиться вместе с Эрихом, в доме патрона на него смотрели почти как на члена семьи, и, наконец, Дернбург отправил его для дальнейшего образования в Берлин.

Господский дом был построен на некотором расстоянии от заводов на холме. Это было красивое строение с широкой террасой, длинными рядами окон и большим балконом над входной дверью; далеко раскинувшийся парк захватывал часть горного леса. Эта прекрасная, внушительная усадьба, без сомнения, имела право на название замка, но Дернбург не хотел этого, а потому ее называли господским домом.

Семья Дернбурга проводила здесь большую часть года, хотя у него было несколько имений, расположенных в более живописных местах, и дом в Берлине. Он появлялся в столице только тогда, когда этого требовали обязанности члена рейхстага, а в имения заезжал лишь на короткое время, ведь Оденсберг постоянно нуждался в хозяйском глазе и был особенно дорог ему как его собственное произведение; здесь он чувствовал себя неограниченным хозяином,

здесь мог получить громадную прибыль или громадный убыток, а потому Оденсберг стал его постоянным местопребыванием.

Семейная жизнь Дернбурга была безупречна; он всегда был примерным мужем своей кроткой жены, которая полностью находилась под его влиянием, подчиняясь более сильной натуре. Теперь обязанности хозяйки дома исполняла единственная сестра Дернбурга, вдова фон Рингштедт; она уже много лет жила у брата, заменяя его детям рано умершую мать.

Был конец апреля, но погода все еще оставалась холодной и неприятной; молодые листочки едва осмеливались выглядывать из своих почек на свет Божий, а над темно-зелеными елями, покрывавшими горы, расстилалось хмурое, серое небо.

В господском доме ждали гостей. Шторы в комнатах для приезжих были подняты, а гостиная, примыкавшая к этим комнатам, имела праздничный вид; всюду благоухали цветы и роскошно украшали комнату, предназначенную, очевидно, для женщины.

В настоящую минуту здесь было две дамы. Младшая забавлялась игрой с маленьким белым шпицем, заставляя его беспрестанно прыгать и лаять; другая же, окидывая гостиную взглядом заботливой хозяйки, передвигала кресла в одном месте, поднимала выше занавес в другом, расставляла покрасивее письменные принадлежности.

– Неужели вы не можете хоть на время расстаться со своим Пуком, Майя? – недовольно сказала она. – Он только и знает, что производит беспорядок.

– Да я заперла его, но он вырвался и побежал за мной, – ответила Майя. – Тише, Пук! Будь умником! Фрейлейн Фридберг гневается и приказывает тебе вести себя прилично!

Она засмеялась и ударила шпица носовым платком; собака с лаем кинулась на нее, пытаясь схватить платок. Фрейлейн Фридберг нервно вздрогнула.

– И это – взрослая девица! На днях я уже жаловалась господину Дернбургу, что вас невозможно урезонить. У вас до сих пор голова полна детских шалостей. Когда же наконец вы станете умнее?

– Надеюсь, еще долго не стану! – объявила Майя. – Здесь, в Оденсберге, все так ужасно серьезны и умны – и папа, и тетя, и вы, фрейлейн Леони, а с Эрихом в последнее время вообще неизвестно что делается, он все вздыхает и тоскует по своей невесте. И вы хотите, чтобы и я стала такой же? Как бы не так!

Она схватила Пука за передние лапки и пустилась с ним танцевать, несмотря на то, что он ясно выражал свое недовольство.

Майя Дернбург, решительно объявившая войну серьезности, только недавно вышла из детского возраста; ей было не более семнадцати лет. При взгляде на ее стройную фигурку сердце радовалось и на душе становилось светлее, как от солнечного луча; прелестное розовое личико сияло молодостью и здоровьем, а в красивых карих глазах не было задумчивости Эриха – они живо блестели, в их взгляде не было еще ни малейшей тени; золотистые волосы вились по плечам, а надо лбом нависли непослушные маленькие локончики. Черты ее лица были полудетскими, миниатюрная фигурка еще не достигла полного развития, но именно это и придавало девушке невыразимую прелесть.

Леони Фридберг, воспитательнице Майи, было лет тридцать; это была миловидная, стройная женщина с темными волосами и глазами и озабоченным лицом. Она не ответила на веселое замечание своей воспитанницы, а только пожалала плечами и опять посмотрела вокруг.

– Кажется, здесь все прекрасно. По-моему, вы чересчур много наставили цветов, Майя, их запах может просто одурманить.

– О, невесту надо засыпать цветами! Надо, чтобы Цецилии понравился ее будущий дом, а цветы – единственное, чем мы можем выразить ей внимание, так как папа не хочет устраивать более торжественного приема.

– Само собой разумеется! Ведь о помолвке будет объявлено не сразу.

– Зато тогда у нас будет праздник, а потом пышная, пышная свадьба! О, как мне хочется увидеть невесту Эриха! Должно быть, она очень красива, Эрих просто бредит ею. Как он комичен в роли влюбленного жениха! Среди белого дня спит и видит только свою Цецилию! Папа уже несколько раз серьезно сердился на него, а вчера сказал мне: «Не правда ли, ты будешь разумнее вести себя, когда станешь невестой?» Понятно, я буду разумно вести себя, страшно разумно! – и в доказательство Майя схватила Пука на руки, а затем волчком завертелась с ним по комнате.

– О, да, это весьма правдоподобно! – с досадой воскликнула Леони. – Майя, Бога ради, не прыгайте и не вертите при встрече с будущими родственниками; что подумают баронесса Вильденроде и ее брат о вашем воспитании, когда увидят, что семнадцатилетняя девушка скачет, как ребенок?

Майя с торжественной миной остановилась перед своей воспитательницей.

– О, не беспокойтесь, я заслужу высочайшее одобрение. Я прекрасно знаю, как следует держать себя, меня научила этому мисс Вильсон, англичанка с желтым лицом, острым носом и бесконечно глубокой ученостью. В самом деле это была ужасно скучная особа, но придворному поклону меня выучила. Посмотрите-ка, вот! – Она сделала глубокий, церемонный реверанс. – Моя будущая невестка будет самого высокого мнения о моем воспитании, а потом я брошусь ей на шею и поцелую ее вот так! – и девушка осыпала бурными ласками застигнутую врасплох гувернантку.

– Майя, вы задушите меня! – сердито крикнула та, с трудом вырываясь из ее рук. – Боже мой, уже бьет двенадцать! Нам надо идти вниз; я хочу заглянуть еще в спальни, посмотреть, все ли там в порядке.

Она вышла из гостиной. Майя, как мотылек, слетела с лестницы; Пук, разумеется, последовал за ней.

Жилые комнаты Дернбургов находились на нижнем этаже. Большая передняя была убрана в честь ожидаемых гостей высокими лавровыми и апельсиновыми деревьями и множеством тропических растений. Там стоял молодой человек и, по-видимому, ждал кого-то; увидев дочь хозяина дома, он отвесил почтительный поклон. Майя слегка кивнула ему.

– Здравствуйтесь, господин Гагенбах. Доктор тоже здесь?

– Так точно, – ответил Гагенбах с глубоким поклоном. – Дядя у господина Дернбурга с докладом о состоянии больницы за последнюю неделю, а я... я подожду его здесь... если позволите.

– Позволяю, – ответила Майя.

Гагенбах, очень молодой человек с чрезвычайно светлыми волосами и чрезвычайно светлыми голубыми глазами, был застенчивым и неловким. Встреча с Майей очень смутила его, отчего он краснел и запинаясь; тем не менее он чувствовал необходимость показать себя светским человеком и, после нескольких безуспешных попыток заговорить, наконец, все-таки произнес:

– Смею ли... смею ли я... осведомиться о вашем здоровье... многоуважаемая фрейлейн Дернбург?

– Благодарю вас, я совершенно здорова, – ответила Майя, и углы ее губ начали заметно подергиваться.

– Я чрезвычайно рад, – принялся уверять ее молодой человек. Собственно говоря, он хотел бы сказать что-нибудь совсем другое, что-нибудь остроумное или глубокомысленное, но, как назло, ничего такого не мог придумать, а потому продолжал: – Я даже не могу выразить, до какой степени рад! Смею надеяться, госпожа фон Рингштедт тоже здорова?

Майя с трудом подавила улыбку, отвечая утвердительно и на этот вопрос. Гагенбах, все еще не отказываясь от надежды выжать из себя какое-нибудь остроумное замечание, судорожно продолжал разговор на избранную тему о состоянии здоровья членов семьи Дернбургов.

– А молодой господин Дернбург?

– Поехал на станцию, – перебила его Майя, едва сдерживаясь, чтобы не засмеяться. – Вы можете надеяться, что мой брат здоров и что мой отец тоже здоров, вся семья здорова и сердечно благодарит вас за вашу трогательную заботу о ее благополучии.

Смущение Гагенбаха заметно росло. Он растерянно нагнулся к Пуку, все внимание которого было поглощено его клетчатými панталонами, и со словами: «Какое прелестное маленькое животное!» – хотел погладить его.

Но «прелестное маленькое животное» весьма неблагоприятно отнеслось к намерению молодого человека и с громким лаем бросилось к его ногам; Гагенбах отскочил назад, Пук прыгнул вслед за ним и зубами вцепился в панталоны; Гагенбах скрылся за цветочной кадкой; преследователь отправился туда же, а Майя от души потешалась над этой сценой.

К счастью, помощь явилась с другой стороны. Из двери, ведущей в кабинет Дернбурга, показался пожилой господин; он без церемонии схватил лающего шпица за белую шерстку и поднял его в воздух с сердитым восклицанием:

– Почему же ты не возьмешь его так, Дагоберт? Или ты хочешь посмотреть, как он разовет тебе панталоны?

Запыхавшийся Дагоберт стоял под лавровым деревом с нескрываемым чувством облегчения. Теперь и Майя вмешалась.

– Будьте милосердны и отпустите преступника на волю, – смеясь воскликнула она. – Право, жизнь вашего племянника не подвергалась серьезной опасности; за целый год своего существования Пук еще не растерзал ни одного человека.

– И того довольно, если он растерзает панталоны, особенно такие изящные, как те, которым сейчас грозила опасность, – весело возразил Гагенбах, опуская на пол собачонку. – Здравствуйте, фрейлейн Майя! О вашем здоровье мне, конечно, нечего и спрашивать?

– Совершенно нечего, о нем уже достаточно спрашивали сегодня, – ответила девушка, бросая шаловливый взгляд на Дагоберта. – Прощайте, господа, я спешу к папе! – и она, весело кивнув, пролетела мимо, к двери в комнаты отца.

Доктору Гагенбаху, оденсбергскому врачу и домашнему доктору Дернбургов, было около сорока пяти лет; его волосы уже начинали седеть, а фигура выказывала некоторое расположение к полноте, но вообще он был еще совсем хоть куда и представлял довольно резкую противоположность своему племяннику.

– Надо признаться, ты вел себя как настоящий герой, – насмешливо обратился он к Дагоберту. – Шалунья-собачонка хотела поиграть с тобой, а ты тут же обратился в бегство.

– Мне не хотелось так грубо обращаться с любимицей фрейлейн Дернбург, – ответил Дагоберт, озабоченно осматривая свои панталоны.

Дядя только пожал плечами.

– Едва ли нам удастся нанести визит фрейлейн Фридберг, как мы предполагали, – сказал он. – Я сейчас узнал, что гостей из Ниццы ждут к часу, весь дом на ногах, готовятся к их приему. Но, раз мы здесь, я все-таки попытаюсь переговорить с ней, а ты, тем временем, можешь привести себя в порядок.

Он поднялся по лестнице и наверху столкнулся с Леони, которая шла в переднюю. Она почти ежедневно видела доктора, но тем не менее в той манере, с которой она ответила на его приветствие, заметно чувствовалась сдержанность. Гагенбах как будто не видел этого, вскользь спросил, как ее здоровье, рассеянно выслушал ответ и наконец сказал:

– Сегодня я пришел к вам, фрейлейн, по совершенно особому делу. Правда, я неудачно выбрал время, потому что вы, очевидно, тоже заняты хлопотами в ожидании гостей, но я могу высказать свою просьбу в нескольких словах, а потому позвольте мне сделать это здесь же.

– У вас есть просьба ко мне? – с удивлением спросила Леони.

– Вы удивляетесь, потому что обычно я только раздаю приказание да пишу рецепты? Да, врачу позволительно так себя вести; он должен во что бы то ни стало поддерживать свой авторитет, особенно, если ему приходится иметь дело с так называемыми «нервными» больными.

Ударение, которое он сделал на слове «нервными», рассердило его собеседницу; она вспльхливо ответила:

– Мне кажется, вам нечего опасаться за свой авторитет, порукой в его неприкосновенности служит ваш «деликатный» способ заставлять себя повиноваться.

– Пожалуй, но ведь с некоторыми пациентами деликатностью ничего не добьешься, – хладнокровно ответил Гагенбах. – Однако, перейдем к делу. Вы знаете моего племянника, приехавшего в Оденсберг три недели тому назад?

– Сына вашего брата? Конечно, знаю. Кажется, он потерял родителей?

– Да, он остался круглым сиротой; я его опекун и вообще должен взять на себя заботу о его будущем, ведь его родители не оставили ему ни гроша. Очевидно, они полагали, что мне, как одинокому человеку и старому холостяку, может понадобится наследник. Гимназию Дагоберт закончил, экзамен на аттестат зрелости сдал, хотя и с грехом пополам, потому что особенно светлым умом он никак не может похвастать. От продолжительного сидения в комнате без свежего воздуха и усиленного «зубрения» у него совсем жалкий, болезненный вид. Представьте, у него уже расстроены нервы, по крайней мере, он воображает, что они у него расстроены; придется мне лечить его. Уж я подтяну ему нервы!

– Будем надеяться, что молодой человек выдержит курс вашего лечения, – резко сказала Леони. – Вы любите сильные средства, доктор!

– Там, где они уместны, действительно, люблю. Впрочем, я не собираюсь сживать со свету своего племянника, как вы, кажется, предполагаете. Лето он проведет здесь, чтобы поправиться перед поступлением в высшую школу. Но если мальчишке совсем нечего будет делать, ему в голову полезут всякие глупости, а потому я хочу, чтобы он хоть немного занялся иностранными языками; латинским и греческим его уже напичкали, а вот что касается английского и французского – здесь он очень слаб. Я и хотел спросить вас, не будете ли вы так добры взять на себя труд помочь ему в этом. Ведь вы прекрасно говорите на обоих языках.

– Если господин Дернбург ничего не будет иметь против.

– Он согласен, я только что говорил с ним об этом. Весь вопрос в том, захотите ли вы. Я знаю, что я у вас не особенно в милости...

– Полноте, доктор, – холодно перебила его Леони, – я очень рада случаю отблагодарить вас за медицинскую помощь, которую вы несколько раз мне оказывали.

– Во время «нервных припадков». Ну, в таком случае наше дело улажено. Дагоберт! Мальчик! Где ты там застрял? Иди сюда!

Это громкое приказание по-настоящему испугало Леони; она недовольно заметила:

– Вы третируете молодого человека, как школьника.

– Неужели я должен соблюдать какие-то церемонии с мальчишкой? Ему и без того очень нравится разыгрывать роль важного барина, а сам он краснеет, как пион, и запинается, как только заговорит с чужим человеком. Вот и ты наконец, Дагоберт! Фрейлейн так добра, что согласна принять тебя в ученики. Благодарю!

Дагоберт снова необыкновенно низко и почтительно поклонился, покраснел и начал:

– Я очень благодарен вам, фрейлейн. Я чрезвычайно рад. Я не могу даже выразить, до какой степени я рад.

Тут он окончательно спутался, но Леони решила ему помочь, ласково сказав:

– Я не строгая учительница, и, надеюсь, мы с вами будем друзьями, господин Гагенбах.

– Зовите его просто Дагобертом, раз уж ему дали такое диковинное имя, – бесцеремонно перебил ее доктор. – По справедливости мальчика следовало назвать Петром, так зовут меня,

а я его крестный отец; но моей невестушке это имя показалось недостаточно поэтичным, вот она и придумала. Дагоберт Гагенбах! Язык сломаешь, прежде чем выговоришь!

– В данном случае ваша невестка была, несомненно, права: имя Петр грешит не только против поэзии.

– Какую же еще погрешность вы в нем находите? – раздраженно спросил доктор, выпрямляясь и становясь в боевую позицию, – Петр – прекрасное, прославленное библейское имя! Мне казалось, что апостола Петра все считают вполне достойным человеком!

– Ну, с апостолом Петром у вас не много общего, – заметила Леони. – Итак, господин Дагоберт, завтра после полудня я жду вас, чтобы назначить время уроков и составить предварительный план занятий.

Такое дружелюбное отношение приятно тронуло робкого Дагоберта, и он еще усерднее принялся уверять, что чрезвычайно рад; и это продолжалось до тех пор, пока, наконец, не вмешался дядя в высшей степени немилостивым тоном:

– Мы и так слишком долго задерживали фрейлейн; пойдем, Дагоберт, а то еще, пожалуй, попадем в непрошенные гости во время встречи приезжающих.

Сойдя с лестницы, племянник позволил себе сделать замечание:

– Фрейлейн Фридберг – чрезвычайно любезная дама!

– Зато нервозная и сумасбродка, – проворчал Гагенбах. – Терпеть не может имени Петр! Почему, спрашивается? Если бы твои почтенные родители окрестили тебя Петром, из тебя вышел бы совсем другой малый, а теперь ты – просто малокровная девушка, которую по ошибке назвали Дагобертом.

На террасе они встретились с Рунеком. Доктор сдержанно поклонился и хотел пройти мимо, но инженер остановил его:

– Я только что был у вас на квартире, доктор; один из моих рабочих по собственной неосторожности получил травму во время взрыва. Насколько я могу судить, рана не опасна, но врачебная помощь все-таки нужна; я привез его с собой и оставил в больнице на ваше попечение.

– Сейчас пойду к нему, – ответил Гагенбах. – Вы идете в господский дом? Там сейчас ждут гостей из Ниццы и едва ли господин Дернбург...

– Знаю. Я именно поэтому и приехал из Радефельда. До свиданья, доктор! – Рунок пошел дальше.

Гагенбах посмотрел ему вслед, стукнул палкой о землю и вполголоса произнес:

– Это уж чересчур!

– Ты видел, дядя? Он во фраке, – заметил Дагоберт, – значит, его пригласили.

– Похоже на то! – сердито воскликнул доктор. – Пригласили для приема гостей, а ведь это чисто семейное дело! Чудеса в решете творятся нынче в Оденсберге!

– Весь Оденсберг уже говорит об этом, – тихо произнес Дагоберт, осторожно оглядываясь. – Все в один голос осуждают господина Дернбурга и сожалеют о его невероятной слабости к...

– Что ты-то знаешь об этом, мальчишка? В Оденсберге никогда не осуждают господина Дернбурга и не сожалеют о нем. Ему просто повинуются. Он всегда прекрасно знает, чего хочет, и теперь, конечно, знает; лишь бы его любимчику не вздумалось все перевернуть по-своему; он дорожит своим мнением не меньше, чем его воспитатель и учитель, а когда сталь попадает на кремень – сыплются искры. Однако отправляйся домой, а я пойду взглянуть на радефельдского рабочего. – И доктор направился к больнице, предоставив свободу племяннику, который был очень рад возможности избавиться от своего тирана-дядюшки.

5

Войдя в дом, Рунок столкнулся с фрейлейн Фридберг, спускавшейся с лестницы. И тут на его приветствие ответили не особенно предупредительно: Леони сделала три шага назад и бросила вокруг беспомощный взгляд. На губах молодого человека появилась насмешливая улыбка, и он с величайшей вежливостью осведомился, в кабинете ли господин Дернбург.

Ей не пришлось отвечать, так как в эту минуту дверь открылась, и сам Дернбург вышел в переднюю в сопровождении дочери.

Майя тотчас бросилась к Рунку и поздоровалась с ним самым непринужденным, фамильярным тоном.

– Вот наконец и ты, Эгберт! Мы уже думали, что ты опоздаешь к приезду гостей; экипаж может показаться каждую минуту.

– Меня случайно задержали, – ответил Эгберт. – Кроме того, мне пришлось ехать очень медленно, потому что я вез с собой раненого; иначе я давно был бы здесь.

Он подошел к Дернбургу и стал рассказывать ему о происшедшем, а Леони прошептала своей воспитаннице:

– Что за неприличная фамильярность, Майя! Ведь вы уже не ребенок! Сколько раз я просила вас помнить о своем возрасте и положении! Неужели мне придется прибегнуть к авторитету вашего отца?

Майя не слушала выговора, а с нетерпением ждала, пока Эгберт закончит свой доклад. Дернбург подробно расспросил о ране, которую получил рабочий, и остался очень доволен, услышав, что она не опасна и что доктор уже извещен о больном. Наконец Эгберт освободился и обратился к девушке:

– Вы слышали, фрейлейн Майя, я не виноват, что опоздал, и вы не должны сердиться на меня.

– Я буду очень сердиться, если ты упрямо будешь называть меня «фрейлейн» и говорить мне «вы»! Ты делал это все время при нашем последнем свидании, но я не потерплю этого, слышишь?

Она весьма выразительно топнула ножкой и сделала премиленькую гневную гримаску.

Гувернантка со страхом взглянула на хозяина дома; ему давно следовало вмешаться со своим авторитетным словом, так как ее влияния оказывалось недостаточно.

Однако Дернбург, по-видимому, ничуть не разделял ее негодования, а совершенно спокойно сказал:

– Уж если Майя так настаивает, видно, придется уступить ей, Эгберт. Ведь, собственно говоря, ты член нашей семьи.

Это разрешение показалось Леони таким чудовищным, что она осмелилась возразить.

– Господин Дернбург, мне кажется...

– Что вам угодно?

Это был простой, спокойно произнесенный вопрос, но гувернантка сию же минуту потеряла охоту продолжать свой протест и быстро прибавила:

– Мне кажется, на террасе следует поставить слугу, чтобы он известил нас, как только появится экипаж.

– Прекрасно, потрудитесь распорядиться, – сказал Дернбург, – а нам, я думаю, следует пока отправиться в комнаты, Эрих может и опоздать.

Он пошел в гостиную; Майя на ходу шаловливо повернула головку назад и воскликнула:

– Слышали, господин инженер? Высочайшие власти разрешают нам говорить мне «ты»! Ты слушаешься, Эгберт? Сию же минуту слушаешься?

В ее тоне и взгляде было такое восхитительное лукавство, что даже серьезный Эгберт шутливо поклонился.

– Если тебе так угодно!

Майя ликовала, как ребенок, радуясь, что переупрямила друга детства. Дернбург улыбнулся, взглянув на милое, светлое существо, шедшее рядом с ним; видно было, что Майя – его любимица.

Не больше чем через четверть часа пришло известие, что вдали показался экипаж. Большие входные двери были открыты настежь; в них стал Дернбург с сестрой, немного чопорной, но полной достоинства старушкой, а рядом Майя, полная радости и ожидания. Эгберт и Леони остались в гостиной.

Вскоре перед террасой остановилось полузакрытое ландо, запряженное великолепными вороными лошадьми. Лакей открыл дверцу; Эрих выскочил первый и помог выйти невесте; сзади виднелась высокая фигура барона.

Дернбург сделал шаг вперед и выпрямился во весь рост. Хотя он принимал потомка старинного дворянского рода, от него веяло гордостью и сознанием собственного достоинства человека, который собственными силами и упорным трудом достиг высокого положения в обществе. Он оказывал честь баронессе Вильденроде, принимая ее в свою семью, а не она ему, вступая в нее.

Когда Эрих подвел Цецилию к отцу, она поклонилась со свойственной ей грацией, отбросила вуаль и взглянула на его строгое лицо; впрочем, последнее не внушало ей ни малейшего страха: она слишком хорошо знала впечатление, которое производила на всех и которое не могла не произвести и здесь. Молодости и красоте всегда легко одержать победу, даже когда им приходится иметь дело с холодной, опытной старостью. В продолжение нескольких секунд взгляд Дернбурга был пылливо и неподвижно устремлен на нее, потом он нагнулся и поцеловал ее в лоб.

– Добро пожаловать в мой дом, дитя мое! – сказал он серьезно, но ласково.

Эрих украдкой облегченно вздохнул; этими словами отец признавал Цецилию дочерью. И здесь стоило ей только появиться, чтобы победить. Его сердце переполнилось радостной гордостью.

Госпожа фон Рингштедт последовала примеру брата и приняла молодую баронессу просто и сердечно. Тем временем Вильденроде здоровался с хозяином дома, а Майя с восторгом рассматривала свою прекрасную невестку; она совершенно забыла о торжественно обещанном «придворном реверансе» и бурно бросилась на шею Цецилии с восклицанием:

– О, Цецилия, я и не думала, что ты так хороша!

Баронесса улыбнулась. Как ни была она привычна к комплиентам, этот детский восторг без малейшей примеси зависти польстил ей; в порыве нежности она поцеловала милую маленькую Майю, о которой Эрих так много ей рассказывал.

– Вы так любезно встретили мою сестру, фрейлейн, – вдруг произнес густой, звучный голос. – Смею ли я также надеяться на дружеский прием?

Майя встретила взгляд темных глаз, устремленных на нее с каким-то выражением, странно, почти неприятно взволновавшим ее, хотя она чувствовала, что в нем крылось восхищение; легкий трепет пробежал по ее телу, она испытывала почти предчувствие страха перед этим взглядом, и ее голос потерял свой обычный звонкий, веселый тембр, когда она полувопросительно произнесла:

– Господин фон Вильденроде?

– Да, Оскар фон Вильденроде просит вас протянуть ему руку в знак приветствия.

В словах барона слышался легкий упрек. В самом деле, Майя еще не подала руки новому родственнику; только теперь она нерешительно протянула ее, обнаруживая совсем чуждую ей застенчивость. Вильденроде наклонился и поцеловал руку. Это была обычная вежливость, но

молодая девушка слегка вздрогнула при его прикосновении, а ее глаза не могли оторваться от его темных глаз, точно опутавших ее какой-то невидимой сетью.

Дернбург предложил руку своей будущей невестке, чтобы ввести ее в дом, барон подошел к его сестре, а Майя поспешно повисла на руке брата. Эрих был в самом радужном настроении; он нежно и с благодарностью прижал к себе руку сестры, с такой любовью принявшей его невесту.

– Так Цецилия тебе нравится? – спросил он. – Ну как, я преувеличил что-нибудь, описывая ее?

– О, нет, она гораздо, гораздо красивее, чем на портрете! Такими я всегда представляла себе сказочных принцесс!

– А как ты находишь моего будущего шурина? Не правда ли, у него чрезвычайно видная внешность, хотя он далеко уже не молод?

– Не знаю, – медленно сказала Майя. – У него такие странные глаза... такие бездонные и темные... почти неприятные.

– Дурочка! Мне кажется, ты боишься его! – пошутил Эрих. – Это совершенно непохоже на нашу резвую маленькую Майю. Оскар будет не особенно польщен впечатлением, произведенным на тебя. Сначала узнай его получше; он в высшей степени интересен в обществе, у него поразительно блестящий дар красноречия.

Майя ответила не сразу. Неужели она боится? Да, то, что она испытывала, было очень похоже на страх, но теперь она стыдилась этого ребяческого чувства и бросила немилостивый взгляд на барона, шедшего впереди с ее теткой; к ней вернулась ее шаловливость, и она со смехом воскликнула:

– О, я, как сказочные герои, не знаю, что такое страх!

6

Погода испортилась. Горы окутались туманом, время от времени лил проливной дождь, ветер яростно трепал деревья парка.

Тем приветливее казалась большая гостиная в доме Дернбурга – высокая, просторная комната с темно-красными обоями и портьерами, резной дубовой мебелью и громадным камином из черного мрамора. Стены были украшены дорогими картинами и несколькими семейными портретами. В камине пылал яркий огонь; вся комната производила впечатление солидности и богатства.

Обед был только что окончен. Молодежь, оживленно болтая, сидела перед камином, госпожа Рингштедт разместилась с Леони на угловой софе, а хозяин дома занялся разговором с бароном. Они говорили об оденсбергских заводах; барон не только проявлял необыкновенный интерес к этому делу – его вопросы и замечания свидетельствовали, что он не так неопытен в этой области, как предполагал Дернбург, так что последний даже сказал ему:

– Право, я не думал, чтобы вы были настолько осведомлены в этой области! Работа вроде нашей обычно интересует только специалистов, а вы, кажется, довольно хорошо знаете ее.

– Я кое-что читал об этом, – небрежно ответил Вильденроде. – Тот, у кого, подобно мне, нет определенных занятий, поневоле должен заняться изучением какого-либо вопроса, а я всегда чувствовал пристрастие к горному делу. Мои познания, конечно, поверхностны, как у дилетанта, но, может быть, вы позволите мне несколько пополнить их здесь.

– Я с удовольствием готов быть вашим гидом. Проездом вы видели лишь небольшую часть моих владений, а с этой террасы открывается их общий вид.

Он открыл стеклянную дверь и вышел с гостем на террасу. Туман стлался по склонам лесистых гор, но заводы, расположенные у их подножья, и кипевшая на них жизнь нисколько не теряли от этого в своем величии, которое могло поразить любого, впервые увидевшего их. Именно такое впечатление произвела эта картина на барона; его взгляд медленно окинул долину из конца в конец.

– Ваш Оденсберг – грандиозные владения! Ведь это – целый город, возникший по вашему желанию среди необитаемых горных лесов. Те громадные строения, что высятся в центре, это...

– Прокатные цеха и литейный завод; там, дальше – доменные печи.

– А постройки направо? Они похожи на целый поселок.

– Это дома моих служащих. Рабочие живут по другую сторону. Впрочем, в Оденсберге я смог разместить лишь самое небольшое количество рабочих; большая часть живет в соседних деревнях.

– Эрих показывал их мне дорогой. Сколько у вас рабочих, господин Дернбург?

– Здесь, на заводах, девять тысяч; на рудниках, там, в горах, свой штат служащих и рабочих.

Дернбург взглянул на удивленного человека с полнейшим спокойствием и абсолютно без всякого намерения поразить слушателя развертывавшейся перед ним картиной такого богатства и власти, от которых кружилась голова. Каждый из этих рудников, о которых он упоминал как бы между прочим, взятый в отдельности, уже представлял порядочное состояние; о своих имениях, принадлежащих к числу самых больших в провинции, он и вовсе не говорил; в его словах не было и тени хвастовства, он просто сообщал сведения, которыми интересовался барон, ничего больше. Барон облокотился на каменную балюстраду и произнес:

– Я много слышал о вашем Оденсберге от Эриха и других, но получить полное представление о нем можно, только увидев его собственными глазами. Чувствовать себя неограничен-

ным хозяином таких владений, знать, что от одного твоего слова зависит судьба десяти тысяч человек, это, должно быть, опьяняющее чувство.

– Я больше тридцати лет потратил на то, чтобы довести свое дело до такого состояния, – хладнокровно ответил Дернбург. – Того, кто вынужден шаг за шагом завоевывать себе место под солнцем, успех уже не опьяняет. Вместе с ним приходят и тяжелые обязанности, которые вы едва ли решились бы взять на себя; вам даже управление отцовскими именьями показалось таким непосильным бременем, что вы постарались тотчас же отделаться от него.

В последних словах слышалась некоторая резкость; барон понял их, но несколько не обиделся и спокойно спросил:

– Вы ставите это мне в упрек?

– Нет! Какое я имею право упрекать вас? Каждый волен устраивать свою жизнь как ему угодно; одни ищут удовлетворения в труде, другие...

– В безделье?

– Я хотел сказать, в наслаждении жизнью.

– Но вы подумали именно то, что я сказал, и, к сожалению, я должен сознаться, что вы правы. Мне всегда казалась интересной лишь деятельность в грандиозных масштабах, а именья, доставшиеся мне в наследство, не представляли таких обширных владений, чтобы я мог удовлетворить это стремление; я не мог обречь себя на монотонную, будничную жизнь сельского хозяина с вечно одними и теми же обязанностями, которые каждый порядочный управляющий может исполнить не хуже меня; я не гожусь для такой жизни.

– Почему же вы не остались на службе? Тут вашему честолюбию открывался полный простор.

– Причиной тому явились личные отношения. У меня были неприятности с начальством; я считал, что меня обошли, обиделся и поспешил разом все покончить. Я был еще молод тогда, меня неотразимо манили большой свет и свобода. С годами это проходит! Я уже давно почувствовал, что моя жизнь лишена настоящей цели, и буду еще сильнее чувствовать это, когда Цецилия покинет меня. Такое бесцельное существование всегда оставляет по себе горькое чувство неудовлетворенности.

– Вы одни во всем виноваты, – серьезно сказал Дернбург. – Вы еще не стары, у вас есть состояние; нужна только решимость.

– Совершенно верно, решимость, до сих пор у меня не было ее. Труд всегда представлялся мне в виде чего-то мелочного, тягостного; здесь, увидев ваш Оденсберг, я впервые понял, какая мощь заключается в труде, какого невероятного успеха можно достичь благодаря труду, признаюсь, это могло бы подзадорить и меня, могло бы заставить применить все мои силы и способности! Позволите ли вы этому бездельнику внимательно присмотреться к вашей работе? Может быть, это послужит мне уроком.

В этой просьбе и во всей внешности барона было что-то подкупающее. Дернбург был приятно удивлен его откровенностью и уже более теплым тоном ответил:

– Я буду очень рад, если мой Оденсберг послужит вам таким уроком. Вы правы! И я на собственном опыте узнал эту непривлекательную сторону труда; если бы я жалел свои руки и голову, то, по всей вероятности, здесь все еще стоял бы небольшой металлургический завод, который оставил мне отец. Я говорю это не в укор другим; вся суть в том, чтобы каждый делал что-нибудь и выполнял свое назначение в жизни.

Начавшийся дождь заставил их уйти назад в комнату. Дернбург уже отказался от предубеждения, которое раньше питал к будущему шурина своего сына; Оскар фон Вильденроде одержал победу именно там, где это было труднее всего.

В гостиной Цецилия была в центре внимания небольшого общества у камина. Она умела быть чрезвычайно любезной, когда хотела, и очаровала молоденькую сестру своего жениха, а Эрих не отходил от нее; сегодня он видел и слышал только свою невесту. Эгберт Рунек почти

не принимал участия в разговоре; он то поглядывал на террасу, где стояли барон и Дернбург, то снова переводил взгляд на молоденькую баронессу, и его брови почти грозно сдвигались.

– Нет, Эрих, ты не убедишь меня, что в твоём отечестве тоже бывает весна! – смеясь воскликнула Цецилия. – На берегах Средиземного моря все цветет уже несколько месяцев, а здесь, с тех пор, как мы переехали через Альпы, мы не видели ничего, кроме бурь и холода. А эта поездка в Оденсберг! Все безжизненно, как зимой; только и видишь вокруг печальную темную зелень бесконечных хвойных лесов, туман и облака да потоки ледяного дождя. Брр... я зябну в вашей серой, холодной Германии.

– В вашей Германии! – повторил Эрих с нежным упреком. – Но ведь Германия и твоя родина, Цецилия.

– Боже мой, да, но мне всегда нужно сначала вспомнить, что я действительно – дитя этого отвратительного, чуждого мне севера. Когда умер мой отец, мне исполнилось только восемь лет, а через два года я лишилась и матери; тогда меня отправили сначала в Австрию, к родственникам, а потом в Лозанну, в пансион. Когда я выросла, Оскар забрал меня. С тех пор мы в основном жили на юге, а в Германию никогда не заглядывали.

– Бедная Цецилия! Значит, у тебя вовсе не было родины! – с состраданием воскликнула Майя.

Цецилия удивленно взглянула на нее; такая жизнь с постоянной переменной обстановки и окружения казалась ей именно такой, какой только и можно было желать. Родина? Это понятие было чуждо ей. Ее взгляд скользнул по гостиной; да, конечно, это было нечто другое, чем роскошные, но в то же время холодные комнаты гостиниц, в которых они жили уже много лет; эти тяжелые шелковые обои и занавесы, эта дубовая мебель, где каждый отдельный стул или кресло представляли ценное художественное произведение, эти фамильные портреты по стенам, а главное, этот комфорт, которым было проникнуто все вокруг! Но в сером свете дождливого дня все это показалось девушке удивительно серьезным и мрачным, и родина жениха внушала тайный страх избалованной дочери большого света.

– Неужели вы большую часть года живете в Оденсберге? – спросила она. – Ведь такая жизнь, должно быть, очень однообразна. У вас, по словам Эриха, чудный дом в Берлине, а вы не проводите там и двух месяцев зимой. Я не понимаю этого!

– Папа говорит, что у него нет времени, чтобы разъезжать по свету, – непринужденно ответила Майя, – а я с тетей и фрейлейн Леони была только на морских купаньях. Мне очень нравится в Оденсберге.

– Майя еще не выезжает, – объяснил Эрих, – она начнет выезжать этой зимой, когда ей исполнится семнадцать. До сих пор, когда у нас бывали приемы, наша малютка оставалась в детской, таким образом она еще вовсе не знает большого света.

– Я начала выезжать в шестнадцать лет, – заметила Цецилия. – Бедная Майя, как долго тебя заставляют ждать! Это ужасно!

– О, я не считаю этого таким большим несчастьем, потому что тогда мне придется «прилично вести себя», как выражается фрейлейн Фридберг, постоянно быть серьезной и рассудительной, и нельзя будет больше танцевать с Пуком. Пук, мне кажется, что ты спишь среди бела дня! И не стыдно тебе? Изволь сейчас же проснуться!

С этими словами Майя бросилась в угол гостиной, где Пук, обиженный тем, что сегодня на него совершенно не обращали внимания, сладко заснул на скамеечке для ног. Цецилия насмешливо скривила губы.

– В самом деле, Майя – еще совсем дитя, – тихо сказала она Эриху. – Что, Оскар, дождь загнал тебя в комнаты?

– Да, – ответил только что вошедший Вильденроде. – Мы осматривали Оденсберг, пока еще только с террасы, но твой отец, Эрих, обещал на днях ввести меня в свое царство.

– Да, да, Цецилия тоже должна познакомиться с ним, – сказал Эрих, – а потом мы съездим в Радефельд, там предполагается проложить туннель через гору Бухберг. Эгберт, – обратился он к молча слушавшему Рунеку, – мы приедем к тебе в гости.

– Я боюсь только, что наши работы не заинтересуют господина фон Вильденроде, – возразил Эгберт, – внешне он не представляет ничего достойного внимания, а до прорытия туннеля мы даже еще не дошли.

Вильденроде обернулся к инженеру, который был ему представлен перед обедом. Он знал от Эриха, что этот друг детства занимает исключительное положение в их доме, но его присутствие во время первого визита в тесном семейном кругу все-таки удивило его; при всей вежливости, с которой он отнесся к Рунеку, в его глазах ясно читался немой вопрос: «Зачем ты здесь?».

– Кажется, вы сами составили проект этих работ, господин Рунок? – спросил он. – Эрих рассказывал мне о вас. Я очень рад познакомиться с таким прекрасным инженером.

Голос барона звучал очень любезно, но на слове «инженер» было сделано ударение, и этим Вильденроде отметил границу, отделявшую сына заводского рабочего от семьи миллионера. Эгберт поклонился не менее любезно и ответил:

– Я уже имел удовольствие познакомиться с вами, господин фон Вильденроде.

– Со мной? Я не помню, чтобы мы когда-нибудь встречались.

– Это понятно, потому что мы встретились в более обширном обществе, – три года тому назад в Берлине, у госпожи Царевской.

Глаза барона пытливо устремились на молодого инженера, но на его губах появилась насмешливая улыбка.

– И вы видели меня там? Я никак не предполагал, чтобы вы вращались в таком кругу.

– Вы не ошиблись, я был там по особому случаю и не в качестве гостя. Может быть, вы скорее вспомните, если я назову точную дату? Это было двадцатого сентября.

Рука Вильденроде, лежавшая на спинке кресла Цецилии, слегка вздрогнула, и его глаза метнули гневный, угрожающий взгляд на говорившего; но этот взгляд скользнул по совершенно неподвижному лицу Рунека, как стрела, встретившая крепкий щит. Впрочем, молчание длилось не более секунды, затем барон небрежно ответил:

– Вы слишком много хотите от моей памяти. За последние десять лет я побывал в стольких местах и встречал столько людей, что не могу помнить каждого в отдельности. Что именно случилось в тот день?

– Если вы забыли, то не стоит и говорить об этом, – холодно ответил Рунок. – Что же касается меня, то с того вечера я навсегда запомнил ваше лицо.

– Это очень лестно для меня!

Вильденроде высокомерно кивнул Рунеку и повернулся к нему спиной. Он направился в противоположный конец комнаты, где Майя теребила своего любимца Пука.

Приближение барона тотчас положило конец этой игре; Майя воинственно выпрямилась; она чувствовала настоятельную потребность заставить барона забыть ее ребяческое смущение при встрече. За столом для этого не представилось удобного случая, так как фон Рингштедт совершенно завладела новым родственником, сидевшим рядом с ней; теперь же он должен был убедиться, что Майя ни чуточки не боится его и твердо решила дать ему отпор.

Но Вильденроде не обратил внимания на ее настроение; он, как ни в чем не бывало, занял место рядом с Майей и стал беззаботно поддразнивать сначала собаку, а потом и ее хозяйку. Он говорил о всевозможных вещах немного шутливо, но необыкновенно занимательно. Такой разговор был совершенно нов для молодой девушки; барон умел очень естественно и деликатно разговаривать чрезвычайно дружеским тоном, на который ему давало право будущее родство; наконец он постарался завоевать расположение Пука. Все это не могло не повлиять на

Майю. Мало-помалу она забыла о своем воинственном намерении, стала доверчивее и, наконец, так увлеклась, что начала рассказывать ему о разных разностях.

Разговор был в полном разгаре, когда Вильденроде вдруг без всякого предисловия спросил:

– Так вы больше не боитесь меня?

– Я? – Девушка собиралась с негодованием возразить, но горячий румянец против воли залил ее лицо.

– Да, вы! Я прекрасно видел ваш испуг при нашей первой встрече. Или вы станете отрицать это?

Румянец на лице Майи сгустился. Барон как нельзя лучше угадал правду, но такая неуместная пронизательность раздосадовала Майю, а то, что он еще и говорил ей об этом, она нашла весьма неделикатным с его стороны.

– Вы смеетесь надо мной! – рассерженно сказала она.

Барон улыбнулся. Мрачная складка на лбу разгладилась, резкие линии смягчились, и он ответил очень мягким голосом:

– Разве я похож на насмешника? Неужели вы серьезно так думаете?

Майя взглянула на него. Нет, в этих глазах не было и следа насмешки, но они производили то же оцепеняющее действие, что и раньше; девушка не могла оторвать своих глаз от его взгляда и опять испытывала прежнее необъяснимое чувство стеснения и замешательства. Она не нашла ответа и только слегка покачала головой.

– Нет? – спросил Вильденроде. – Ну, так докажите же мне, что гость, приехавший сегодня в ваш дом, не пугает вас больше, и исполните одну мою просьбу. – Вильденроде наклонился к ней, и его голос понизился до шепота. – Все здесь зовут вас Майей, каждый из членов этого общества имеет право называть вас просто по имени, которое звучит так мило, как ни одно имя на свете; даже этому... этому господину Рунеку позволяется это; я один обращаюсь к вам официально. Я не так дерзок, чтобы предъявлять претензию на права Цецилии, которая, как сестра, говорит вам «ты», но... могу ли я звать вас Майей?

В просьбе барона не было ничего особенно дерзкого или необычного; пожилой человек мог позволить себе такую фамильярность по отношению к молодой девушке, брату которой он будет приходиться шурином, но Майя медлила с ответом.

Она колебалась так долго, что барон с упреком спросил:

– Вы отказываете мне?

– О, нет, конечно нет, ведь вы брат Цецилии.

– Да, но у брата Цецилии есть имя, которое ему очень хотелось бы слышать от вас, Майя; меня зовут Оскаром.

Ответа не последовало.

– Вы не хотите?

– Я... не могу!

В этом испуганном восклицании выражался боязливый отпор. Оскар опять улыбнулся.

– Неужели это так трудно? Ну, я не буду настаивать, пока с меня довольно и вашего позволения. Благодарю вас, Майя!

Он нежно пожал руку своей собеседницы и выпустил ее.

Майя! Как странно он выговаривал это имя! Этот звук наполнял душу молодой девушки никогда еще неизведанным чувством, сладостным и в то же время тревожным. Увидев подшедшего к ним Эриха, она облегченно вздохнула.

– Право, мне кажется, Оскар, ты ухаживаешь за нашей маленькой Майей, – шутливо сказал он.

– Пока я только предъявляю права, которые дает мне будущее родство, – весело ответил барон. – Майя только что разрешила мне отбросить церемонное «фрейлейн». Надеюсь, ты ничего не имеешь против?

– Ровно ничего, – со смехом ответил Эрих, – хотя ты с гораздо большим достоинством мог бы разыграть роль дядюшки нашей малютки; посмотри, какое почтение ты внушаешь ей!

Майя не слышала последних слов; она быстро подошла к отцу, подсевшему к старшим дамам, и порывисто прижалась к нему, как будто искала у него защиты от какой-то опасности, неведомой, но уже успевшей бросить свою тень на ее светлое настоящее.

Цецилия продолжала сидеть у камина; Рунек, «каменный гость», как в насмешку шепотом назвала его своему жениху Цецилия, тоже не уходил со своего места. Молчаливость Эгберта в самом деле бросалась в глаза, по крайней мере, Эриху и Майе; баронесса же Вильденроде находила ее вполне естественной; молодой человек, очевидно, чувствовал себя чужим в обществе, к которому не принадлежал по праву, и милость, оказанная ему приглашением, по всей вероятности, больше тяготила его, чем радовала. Цецилия вполне разделяла мнение брата об этом и, подражая ему, до сих пор почти не обращала внимания на молодого инженера; но она заметила, что он наблюдает за ней; само собой разумеется, она сочла это доказательством удивления и восхищения ее красотой, а потому соблаговолила заговорить с ним.

– Так вы раньше знали моего брата?

– В большом городе не удивительно встретиться, – спокойно ответил Рунек. – Впрочем, встреча была мимолетной.

– Это было три года тому назад, в Берлине? Я помню, он приехал оттуда в Лозанну, чтобы забрать меня из пансиона.

– Но, мне кажется, Оскар не особенно любит Берлин. Вы долго пробыли там?

– Несколько лет, ведь я учился в Берлине.

– А, вот как! Зимой и я познакомлюсь с ним, мне покажет его Эрих. Воображаю, каким блеском должна отличаться там к жизнь общества, особенно во время сезона!

– Об этом я, к сожалению, ничего не могу сказать; я ездил в Берлин, чтобы учиться и работать.

– Но ведь не все же время шло на это?

– Все!

Этот твердо произнесенный ответ прозвучал почти сурово; он чрезвычайно не понравился Цецилии, но еще больше не понравился ей человек, давший такой ответ; она впервые взглянула на него внимательно. Этот друг Эриха имел положительно отталкивающую внешность! Правда, высокая, могучая фигура делала его приметным, но она решительно не вписывалась в рамки гостиной; к тому же у него были некрасивые, неправильные черты лица, жесткие, резкие и нелюбезные манеры. Последний ответ прозвучал так, как будто этот Рунек пытался поучать ее, баронессу Вильденроде. К своему удивлению, она заметила, что о робости и угнетенности здесь и речи быть не может, что в холодных серых глазах Рунека выражается вовсе не восхищение ею, они блестели враждебно. Однако это лишь подзадорило Цецилию.

Она положила хорошенькие ножки на каминную решетку и, откинувшись на спинку глубокого кресла, приняла небрежную, но необыкновенно грациозную позу. В этой части гостиной уже были сумерки; огонь в камине колеблющимся светом озарял стройную фигуру Цецилии в светлом шелковом платье, украшенном кружевами, розы на ее груди и красивую головку, лежавшую на темно-красной подушке.

– Боже мой, как я буду жить в этом Оденсберге! – со вздохом сказала она, – каждое третье слово здесь «работа»! Кажется, здесь не знают ничего другого. Я, легкомысленная дочь света, просто рокою и обязательно попаду в немилость к моему будущему свекру, который тоже кажется записным тружеником.

Она говорила задорным тоном, который все в ее кругу находили пикантным, но здесь он не произвел никакого впечатления.

– Совершенно верно, господин Дернбург служит всем нам примером в этом отношении, – ответил Рунек. – Я не думаю, что Оденсберг мог бы понравиться вам, баронесса, но ведь Эрих наверняка подробно описал вам его, прежде чем вы решились приехать сюда.

– Мне кажется, мы сходимся с Эрихом во вкусах, он тоже любит веселый, солнечный юг и мечтает о вилле на берегу голубого моря, под пальмами и лавровыми деревьями...

– Эрих был болен и страдает от холодного воздуха своей родины, но все-таки любит ее; югу он обязан выздоровлением, прочем, он достаточно богат, чтобы купить себе где-нибудь в Италии виллу, куда мог бы приезжать на отдых, но его постоянным местопребыванием должен остаться Оденсберг.

– Вы считаете это необходимым?

– Конечно. Со временем он должен будет продолжить дело своего отца. Это его долг, который он обязан будет исполнять. Это касается и его будущей супруги.

– Обязан? Кажется, это ваше любимое выражение! Вы употребляете его при каждом удобном случае. Я терпеть не могу этого ужасного слова и не думаю, что когда-нибудь примирюсь с ним.

Казалось, Эгберт не находил особенного удовольствия в этом разговоре. В его ответе слышалось нетерпение, даже раздражение.

– Мы сделаем лучше, если не будем спорить об этом; мы принадлежим к двум различным мирам, и я должен извиниться за то, что совершенно не понимаю вашего мира.

Цецилия засмеялась. Наконец-то ей удалось вывести этого человека из его непроницаемого спокойствия, на которое она смотрела, как на личное оскорбление; она не привыкла, чтобы ею не восхищались, чтобы ей говорили о долге.

– Полагаю, существует же мост, который соединял бы эти два мира, – шутя сказала она. – Может быть, мы еще и научимся понимать друг друга. Или вы думаете, не стоит и попробовать?

– Нет, – холодно ответил Рунек.

Цецилия вдруг выпрямилась и метнула на него гневный взгляд.

– Вы очень... откровенны, господин Рунек!

– Вы не так меня поняли, – спокойно ответил он. – Я только хотел сказать, что вам, разумеется, не стоит опускаться в мир, который настолько ниже вашего; ничего больше.

Баронесса закусил губы. Он хорошо отпарировал ее удар, но она знала, что именно хотел он сказать, и поняла жесткую насмешку, которая крылась в его словах. Чем можно было объяснить то, что этот человек осмеливался так говорить с невестой своего друга, с будущим членом семьи, благодеяниями которой он пользовался? Если до сих пор она почти не замечала этого инженера, считая его ниже себя, то теперь в ней закипела вражда к нему, и она решила, что он должен быть наказан за то, что рассердил ее.

Она встала и быстро направилась к Эриху, разговаривавшему с бароном в другом конце комнаты. Эгберт остался на месте; его глаза следили за братом и сестрой.

«Бедный Эрих, – подумал он, – в плохие руки ты попал!»

С наступлением ночи все разошлись; хозяева хотели поскорее дать отдых гостям, совершившим сегодня довольно большой переезд. Однако они еще не легли спать.

Оскар и Цецилия были одни в маленькой угловой гостиной, прилегавшей к комнатам для приезжих. Аромат цветов наполнял воздух, но ни брат, ни сестра не обращали на них внимания. Цецилия стояла среди комнаты; она казалась рассерженной и взволнованной, а в ее голосе слышалось плохо скрытое раздражение.

– Так ты все еще недоволен мной, Оскар? Мне кажется, что я сделала сегодня все возможное, а ты упрекаешь меня!

– Ты была слишком неосторожна в выражениях, – ответил Оскар. – Ты почти не скрывала своего нерасположения к Оденсбергу. Берегись! Отец Эриха очень обидчив, когда дело касается Оденсберга; он не простит этого.

– Неужели я обязана на протяжении нескольких недель ломать здесь комедию и делать вид, что я в восторге от этой отвратительной трущобы, которая, оказывается, гораздо ужаснее, чем я думала? Здесь чувствуешь себя отрезанной от всего света, заживо погребенной между горами и сосновыми лесами! К тому же эта близость заводов с их шумом и толпами рабочих!.. а главное – здешние люди! Только Майя представляет собой что-то более или менее сносное; мой будущий свекор, по-видимому, обладает деспотическим характером и тиранит весь дом. Мне просто страшно делается при виде его строгого лица! Когда мы приехали, он так посмотрел на меня, словно хотел пронзить меня насквозь! А эта скучнейшая фон Рингштедт со своей окаменелой миной, эта не менее скучная, бледная гувернантка, а главное, этот так называемый «друг» Эриха, который наговорил мне такого, такого! – И Цицилия сердитым движением швырнула веер на стол.

– Что он сказал тебе? – быстро и резко спросил барон.

– О, на словах немного, но я прекрасно поняла, что осталось невысказанным. Если бы мы виделись не впервые, то я предположила бы, что он ненавидит и меня, и тебя; в его холодных и жестких серых глазах было что-то крайне враждебное, когда он говорил со мной, и совершенно то же выражение было в них и тогда, когда он напомнил тебе о встрече в Берлине.

Вильденроде с удивлением взглянул на сестру; он никак не ожидал от нее такой наблюдательности.

– Кажется, ты довольно долго разговаривала с ним, – заметил он. – Впрочем, ты не ошибаешься; этот Рунек – чрезвычайно неприятная и, может быть, даже опасная личность. Надо будет отделаться от него.

– Раз и навсегда говорю тебе: я не вынесу такой обстановки! Ты говорил мне, что Эрих будет жить со мной в городе, мы никогда даже не предполагали, что будет по-другому, а здесь об этом и речи нет; все считают, что мы будем жить в Оденсберге, что иначе и быть не может! Неужели, вступая в брак, я должна отказаться от всего, что составляет в моих глазах прелесть жизни, учиться под руководством своего почтенного свекра домоводству и прочим семейным добродетелям, а в награду за хорошее поведение совершать ежедневные прогулки по его заводам? О каких-либо иных удовольствиях здесь и не представляют!

– Дело не в твоих удовольствиях, а в необходимости! – резко ответил Оскар. – Мне казалось, что я достаточно объяснил тебе суть вопроса, когда принимал приглашение приехать в Оденсберг. Еще в день твоего обручения ты вынудила меня сказать тебе правду, так что теперь ты прекрасно знаешь, в каком состоянии наши дела. Наше состояние погибло; до сих пор я давал тебе возможность жить в роскоши, как богатые люди, – какими жертвами я достигал этого, известно мне одному; но наступит время, когда и эти последние источники дохода иссякнут, и этот день уже не за горами. Если ты откажешься от блестящего будущего, которое я пытаюсь тебе устроить, выдавая тебя замуж, то тебе нечего будет и мечтать о том, что ты называешь «жизнью», тебе придется прозябать в бедности и лишениях. Неужели я должен несколько раз повторять тебе одно и то же?

Это бессердечное напоминание подействовало, баронесса Вильденроде боялась бедности и лишений; простая мысль о том, что она будет вынуждена распрощаться с той жизнью, к которой привыкла, испугала ее и заставила отказаться от борьбы. Она опустила голову и молчала. Брат продолжал:

– До сих пор я почти всегда давал тебе волю, как избалованному ребенку, да и не было необходимости показывать тебе ту, непривлекательную сторону жизни; теперь же я требую, чтобы ты полностью подчинялась мне и делала то, что я посчитаю нужным. Ты еще не замужем, а старый Дернбург – такой человек, что не задумываясь разорвет наш союз в последнюю

минуту, если появятся серьезные соображения против него. Прежде всего ты должна позаботиться о том, чтобы приобрести его расположение, потому что Эрих – совершенно бесхарактерная натура и всегда покорится воле отца. Тут главное – осторожность! Я не позволю тебе своим упрямством разрушить мои планы, о всей важности которых ты и понятия не имеешь; ты знаешь меня!

Голос барона звучал как приказание и угроза, и Цецилия, испуганно взглянув на брата, недовольно вздохнула и бросилась в кресло, но больше не стала возражать.

Наступила минутная пауза; потом Оскар подошел к сестре и заговорил гораздо ласковее:

– Как легко ты поддаешься своей горячей натуре! Другие все бы отдали, чтобы быть на твоём месте; найдутся тысячи девушек, которые будут завидовать тебе, а ты охотно оттолкнула бы от себя это счастье, как игрушку, которая тебе не нравится. В чём другом, а в расчетливости тебя никак нельзя упрекнуть!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.